

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БК

Жюль Верн

ПЛАВУЧИЙ
ОСТРОВ

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ВЛАСТЕЛИН
МИРА

«АЗБУКА»

Жюль Габриэль Верн
Плавучий остров. Робур-
Завоеватель. Властелин мира
Серия «Мир приключений.
Большие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74496021

Плавучий остров. Робур-Завоеватель. Властелин мира. романы:
Азбука, Издательство АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-35469-2

Аннотация

Классика приключенческой литературы от основоположника жанра научной фантастики, великого выдумщика и просветителя Жюль Верна. Живые персонажи, яркие географические зарисовки и, конечно, научные сведения, органично вплетенные в приключенческий сюжет, – вот визитная карточка захватывающей прозы французского писателя. В настоящее собрание вошли три романа, сюжет которых движут фантастические изобретения в области транспорта.

«Плавучий остров». Гигантский самоходный остров на стальных понтонах бороздит просторы Тихого океана. На нем раскинулся целый город с искусственной рекой, парками, бульварами, променадами и всеми мыслимыми благами

цивилизации. Толстосумы, построившие этот океанский Эдем на электрической тяге, могут позволить себе все – даже похитить квартет музыкантов-виртуозов для услаждения слуха пресыщенной публики, населяющей Миллиард-Сити. Чего они не могут, так это прожить без борьбы за влияние и корыстные интересы.

«Робур-Завоеватель». Гениальный изобретатель Робур не остановится ни перед чем, чтобы доказать превосходство летательных аппаратов тяжелее воздуха над воздушными шарами. Мало ему было спровоцировать перестрелку на заседании Уэлдонского ученого общества, так он еще и похитил председателя с его слугой и секретарем, чтобы отправиться в головокружительное путешествие через всю планету на гигантском воздушном корабле «Альбатрос».

«Властелин мира». Америка встревожена не на шутку: на дорогах, в небе, на воде и под водой наблюдаются загадочные и опасные явления, сбивающие с толку ученых. За расследование берется инспектор Джон Строк и, несмотря на все препоны и угрозы, выходит на след человека, называющего себя Властелином мира. Это ему принадлежит неуловимая и грозная машина – гибрид автомобиля, корабля, подводной лодки и летательного аппарата.

Издание сопровождают иллюстрации Леона Бенетта, Жоржа Ру, Георгия Фитингофа.

Содержание

Плавучий остров	8
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	28
Глава третья	53
Глава четвертая	71
Глава пятая	97
Глава шестая	122
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Жюль Верн

Плавучий остров.

Робур-Завоеватель.

Властелин мира

© Н. Я. Рыкова (наследник), Е. А. Лопырева (наследники), перевод, 2026

© Д. Г. Лившиц (наследник), А. Н. Тетеревникова (наследник), перевод, 2026

© Я. З. Лесюк (наследник), перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

*** * ***

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Жюль Верн

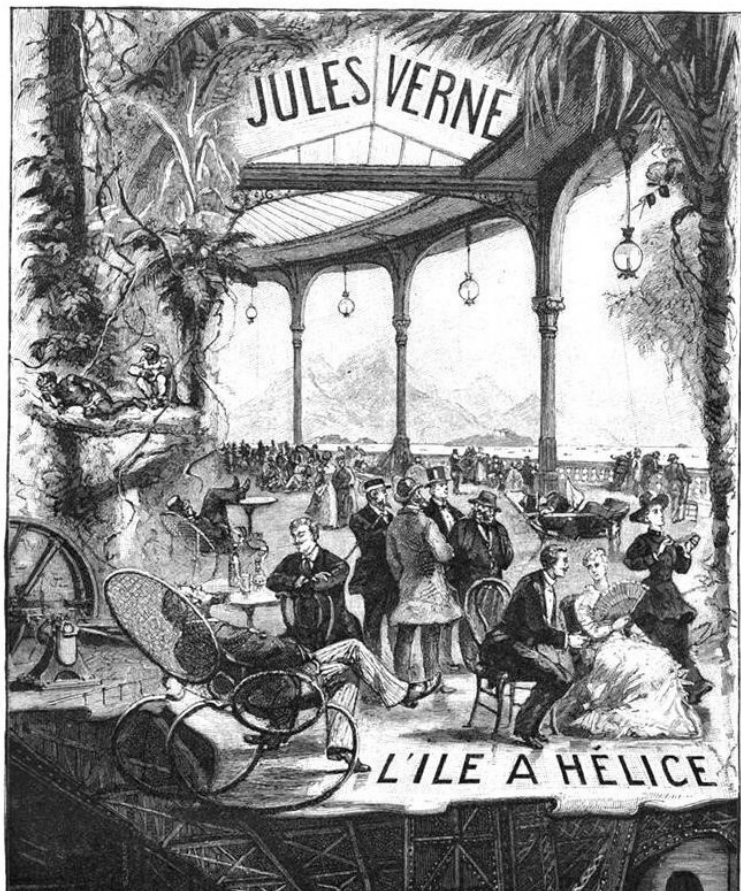
ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ
♦
РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ
♦
ВЛАСТЕЛИН МИРА

Санкт-Петербург

Плавучий остров

Перевод Е. Лопыревой, Н. Рыковой

Часть первая

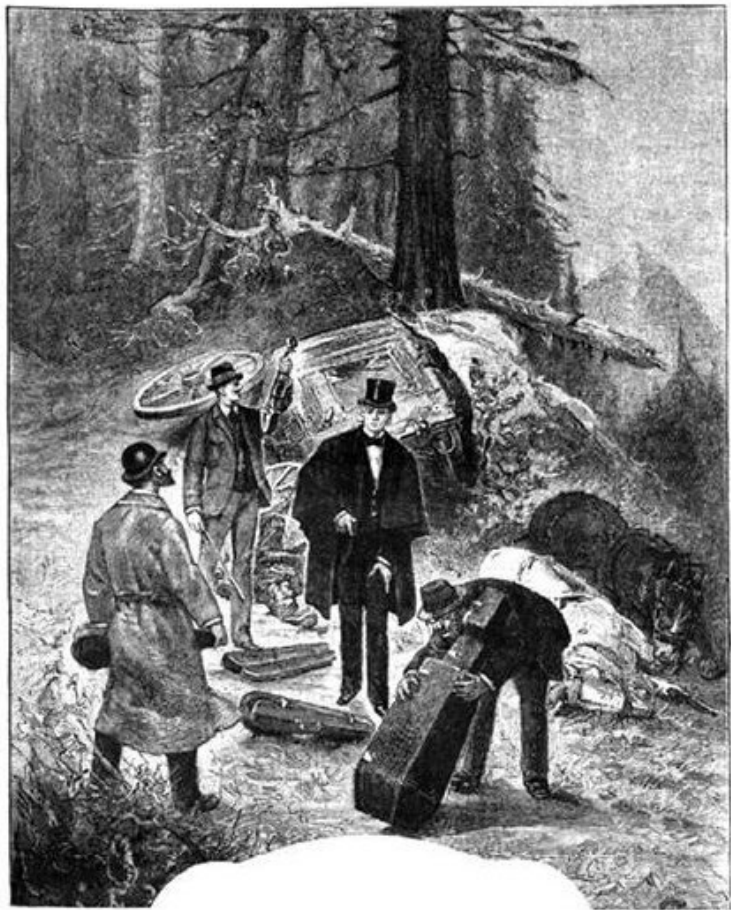
Глава первая Концертный квартет

Если путешествие началось плохо, редко бывает, чтобы оно хорошо кончилось. Во всяком случае, такого мнения могли бы с полным основанием придерживаться четверо музыкантов, чьи инструменты валяются сейчас на земле. В самом деле, карета, в которую им пришлось пересесть на последней железнодорожной станции, внезапно опрокинулась на косогоре.

– Раненых нет?.. – спрашивает первый из них, быстро вскакивая на ноги.

– Я отделался царапиной, – отвечает второй, потирая щеку, порезанную осколком стекла.

– А я – ссадиной, – говорит третий, у которого на ноге проступило несколько капель крови.

В общем, все это пустяки.

— А моя виолончель?.. — восклицает четвертый. — Только бы с виолончелью ничего не случилось.

К счастью, футляры инструментов в полной сохранности. Ни виолончель, ни обе скрипки, ни альт не пострадали, разве что придется их заново настроить. Ведь эти инструменты сработаны лучшими мастерами!

— Проклятая железная дорога! Так подвела нас на полпути!.. — говорит один.

— Проклятая карета! Вывалила нас в таком пустынном месте!.. — отвечает другой.

— И как раз, когда надвигается ночь, — добавляет третий.

— Хорошо, что наш концерт назначен только на послезавтра! — замечает четвертый.

И, потешаясь над собственной неудачей, наши музыканты изошряются в самых забавных шутках. Один из них, по обыкновению использующий в своих остротах музыкальные выражения, изрекает:

— Недурно было бы *транспонировать* наш квартет в другую... карету!

— Пэншина, перестань! — прерывает его один из товарищей.

— Начинаем *в миноре*, — не унимается Пэншина.

— Да замолчишь ли ты наконец?..

Но Пэншина осмеливается добавить:

— ...И, насколько я понимаю, в *скрипучем* ключе!

Путешествие и в самом деле шло со скрипом и осложне-

ниями, в чем читатель скоро сам сможет убедиться.

Все это сказано было по-французски, но могло быть произнесено и на английском языке, ибо члены нашего квартета благодаря частым разъездам по англосаксонским странам владеют языком Вальтера Скотта и Купера, как своим родным. Вот почему к своему вознице они обращаются по-английски.

Бедняга пострадал больше всех, потому что, когда сломалась передняя ось, он сорвался с козел. Впрочем, он отделался ушибами не очень серьезными, но довольно болезненными. Однако из-за вывиха ноги он не в состоянии передвигаться. Значит, необходимо найти какой-нибудь способ доставить его в ближайшее селение.

И право же, просто чудо, как все остались живы. Дорога извивается в гористой местности, то над глубокими пропастями, то вдоль шумных потоков, которые порою с большим трудом приходится переезжать вброд. Если бы передняя ось сломалась при спуске, можно не сомневаться в том, что карета опрокинулась бы в пропасть прямо на торчащие в ее глубине скалы, и тогда едва ли кому-нибудь из путешественников удалось бы остаться в живых.

Как бы там ни было, но карета пришла в негодность. Из двух лошадей одна, ударившаяся головой об острый камень, хрипит на земле. Другая получила довольно тяжелую рану в бедро. Итак, ни экипажа, ни лошадей.

В общем, не везет четверем артистам на дорогах Нижней

Калифорнии. Два происшествия за одни сутки... Тут поне-
воле станешь философом...

Столица штата, Сан-Франциско, уже тогда имела прямое
железнодорожное сообщение с Сан-Диего, который распо-

ложен почти на рубеже старой калифорнийской провинции. В этот довольно большой город и направлялись четверо путешественников, чтобы через день дать там концерт, о котором было заранее объявлено. В городе с нетерпением ожидали знаменитых артистов. Их поезд, накануне отправившийся из Сан-Франциско, был уже в каких-нибудь пятидесяти милях от Сан-Диего, когда случилась первая задержка, или, как выразился самый веселый член квартета, «когда они впервые *сбились с такта*» (можно простить такое выражение тому, кто в свое время получал награды за успехи в сольфеджио)¹.

Вынужденная задержка на станции Паскаль произошла потому, что железнодорожное полотно на протяжении трех-четырех миль было размыто внезапно вышедшей из берегов рекой. Продолжать путешествие по железной дороге оказалось невозможным, так как разлив произошел всего несколько часов назад и переправа в этом месте еще не была налажена.

Приходилось выбрать одно из двух: либо ждать, пока восстановят железнодорожный путь, либо нанять в ближайшем же селении какой-нибудь экипаж до Сан-Диего.

На этом последнем решении квартет и остановился. В соседней деревушке они обнаружили нечто вроде старого ландо, неудобного, с изъеденной молью обивкой и порядком-таки разбитого. Наняли его у владельца за сходную цену, прельстили кучера обещанием хорошо дать на чай и пустились

¹ *Сольфеджио* – упражнение в пении для развития слуха.

в путь, захватив инструменты, но без багажа. Было около двух часов дня, и до семи вечера ехали, не испытывая особых трудностей и усталости. И тут-то музыканты *сбились с такта* во второй раз: карета опрокинулась, да так неудачно, что ехать в ней дальше оказалось невозможно.

А квартету остается еще миль двадцать до Сан-Диего!

Но спрашивается: почему четверо музыкантов, французы по национальности и вдобавок парижане, очутились в немыслимых калифорнийских дебрях?

Почему?.. Сейчас мы кратко поведаем об этом, а заодно и обрисуем беглыми чертами наших четырех виртуозов, которых случай, как взбалмошный режиссер, вводит в число действующих лиц этой необычайной истории.

В течение данного года – затрудняемся с точностью указать, какого именно из ближайших тридцати лет, – Соединенные Штаты Америки удвоили количество звезд на своем государственном флаге². Сейчас они достигли вершины хозяйственного развития, распространив свою власть на Канадский доминион до крайних пределов Ледовитого океана, на мексиканские, гватемальские, гондурасские, никарагуанские и коста-риксские земли до самого Панамского канала. В то же время захватчики-янки стали обнаруживать пристрастие к искусству, и если их продукция в области изящного остается количественно весьма скромной, если их национальный гений все еще не способен проявить себя в жи-

² Количество звезд на американском флаге соответствует количеству штатов.

вописи, скульптуре и музыке, то по крайней мере вкус к произведениям искусства – явление у них широко распространенное. На вес золота скупаются картины старинных и современных мастеров для пополнения частных или государственных собраний и приглашаются за огромные деньги знаменитые певцы, драматические артисты и самые талантливые музыканты.

Что касается музыки, то меломаны Нового Света сперва увлекались Мейербером, Галеви, Гуно, Берлиозом, Вагнером, Верди, Массе, Сен-Сансом, Рейером, Массне, Делибом – знаменитыми композиторами второй половины XIX века. Затем понемногу до них стало доходить также более серьезное творчество Моцарта, Гайдна, Бетховена, и они стали углубляться в истоки того возвышенного искусства, которое мощным потоком захватило весь XVIII век. После опер – музыкальные драмы, после музыкальных драм – симфонии, сонаты, оркестровые сюиты. И как раз в то время, о котором у нас идет речь, различные штаты Конфедерации до безумия увлеклись сонатой. За полную ноту в сонате платили по двадцать долларов, за вторые доли – по десяти и по пяти долларов за четвертые.

И вот, узнав об этом повальном увлечении, четыре виртуоза решили отправиться в Соединенные Штаты Америки за богатством и славой. Четверо друзей, питомцы консерватории, были хорошо известны в Париже и весьма ценимы любителями так называемой «камерной музыки», до послед-

него времени мало распространенной в Северной Америке. С каким редким совершенством, с какой изумительной сыгранностью, с каким глубоким чувством исполняли они произведения Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Гайдна, Шопена, написанные для струнного квартета – то есть для первой скрипки, второй скрипки, альты и виолончели! Без лишнего шума, безо всякого привкуса ремесленничества, и притом какое безукоризненное исполнение, какое неподражаемое мастерство! Успех, выпавший на долю нашего квартета, объясняется тем легче, что к этому времени публика начала уже уставать от мощных симфонических оркестров. Пусть музыка всего лишь художественно упорядоченные колебания звуковых волн – лучше все-таки, чтобы эти колебания не превращались в оглушительную бурю.

Словом, наши четыре концертанта решили приобщить американцев к неизъяснимо сладостной прелести камерной музыки. Итак, они отправились в Новый Свет, и в течение двух лет янки-меломаны не жалели для них ни рукоплесканий, ни долларов. Их музыкальные утреники и вечера усердно посещались публикой. Концертный квартет – под таким названием они выступали – еле успевал отзывать на приглашения из богатых частных домов. Без него не обходилось ни одно празднество, ни одно собрание, ни один раут, ни одно чаепитие, даже ни один прием на открытом воздухе, сколько-нибудь достойные общественного внимания. Благодаря такому повальному увлечению члены означенно-

го квартета положили себе в карманы изрядные денежные суммы, которые, покойся они в сейфах нью-йоркского банка, составили бы уже порядочный капитал. Но почему бы не сознаться откровенно? Наши американизированные парижане тратят деньги без оглядки! Они и не думают о том, чтобы копить, эти принцы смычка, короли четырех струн! Им нравится жизнь, полная приключений, они уверены в том, что везде и всегда найдут хороший прием и хороший заработок – от Нью-Йорка до Сан-Франциско, от Квебека до Нового Орлеана, от Новой Шотландии до Техаса, – наконец, они ведь сами не так уж далеки от богемы, которая является самой старинной, самой очаровательной, самой любимой, достойной зависти «провинцией» нашей старой Франции!

Пожалуй, пора назвать каждого из них по имени и представить тем из наших читателей, которые не имели и никогда не будут иметь удовольствия их услышать.

Ивернес – первая скрипка; ему тридцать два года, рост выше среднего, у него не по возрасту стройная фигура, белокурые, вьющиеся на концах волосы, гладко выбритое лицо, большие черные глаза, длинные пальцы, словно созданные для того, чтобы ловко охватывать гриф Гварнери. Всегда изящно одетый, Ивернес любит драпироваться в темный плащ и щеголять в шелковом цилиндре; он, может быть, не прочь порисоваться и уж во всяком случае легкомысленней всех в этой компании; он вовсе не озабочен соображениями выгоды и по натуре настоящий артист, восторженный по-

клонник всего прекрасного, талантливый виртуоз с большим будущим.

Фрасколен – вторая скрипка – тридцати лет. Средний рост и наклонность к полноте причиняют ему немало огорчений; у него темные волосы и борода, большая голова, черные глаза, длинный нос с раздувающимися ноздрями и красными отметинами от пенсне в золотой оправе с толстыми стеклами – он очень близорук и не может обойтись без пенсне. Фрасколен – добрый малый, любезный и услужливый, готовый взять на себя любую обязанность, чтобы избавить от нее товарищей, бухгалтер и счетовод квартета, тщетно проповедующий бережливость, нисколько не завидующий успехам своего товарища Ивернеса и даже не помышляющий о том, чтобы самому возвыситься до пюпитра сольного исполнителя, но при всем том – прекрасный музыкант; в данный момент он одет в широкий пыльник поверх дорожного костюма.

Пэншина – альт, и, хотя он играет не на самом высоком по звучанию инструменте, друзья обычно именуют его «Ваше высочество»; ему двадцать семь лет, он самый юный в труппе и самый веселый, один из тех неисправимых балагуров, которые на всю жизнь остаются мальчишками. У него тонкие черты лица, живые умные глаза, рыжеватые волосы, тонкие усики, привычка прищелкивать языком, неискоренимое пристрастие к острым словечкам, неизменная готовность и на меткий выпад, и на возражение; он в постоянном возбуждении, что приписывает необходимости вечно разби-

ратся в ключевых знаках, как того требует его инструмент («настоящая связка домашних ключей», по его выражению); у него неиссякаемый запас благодушия и способность выкинуть любую шалость, не задумываясь о неприятностях, которые она может навлечь на товарищей, за что ему постоянно делает замечания, читает нотации и «мылит голову» глава Концертного квартета.

Поговорим теперь о главе квартета. Это – виолончелист Себастьян Цорн. Он старший среди них и по своему таланту, и по возрасту: ему пятьдесят пять лет, он маленький, круглый блондин, у него густые волосы без признаков седины, зачесанные на виски, взъерошенные усы сливаются с чашей бакенбард, кирпичный цвет лица, глаза, поблескивающие сквозь стекла очков, поверх которых он надевает еще и пенсне, когда разбирает ноты, пухлые руки, причем правая, привыкшая плавно двигать смычком, украшена толстыми перстнями на безымянном пальце и на мизинце.

Полагаем, что этого легкого наброска довольно, чтобы обрисовать человека и артиста. Если в течение сорока лет не выпускать из рук коробку, полную звуков, это не проходит безнаказанно. Это накладывает отпечаток на всю жизнь и влияет на характер. Виолончелисты бывают большей частью словоохотливы и вспыльчивы, говорят громко и словно захлебываясь, впрочем не без остроумия. Именно таков Себастьян Цорн, которому Ивернес, Фрасколен и Пэншина охотно доверили руководство музыкальным турне. Они

предоставляют ему полную свободу и говорить, и действовать, поскольку он это делает весьма успешно. Привыкшие к его повелительным замашкам, они потешаются над ним, когда он теряет чувство меры и такта, что для музыканта непохвально, как замечает непочтительный Пэншина! Составление программы, разработка маршрутов, переписка с импресарио – именно на Себастьяна Цорна возложены эти разнообразные дела, которые дают возможность его воинственному темпераменту проявлять себя в самых различных обстоятельствах. Единственное, во что он не вмешивается, это в вопросы, касающиеся денежных поступлений в общую кассу и совместных трат. Это поручено заботам второй скрипки и главного счетовода, точного и аккуратного Фрасколена.

Теперь члены квартета представлены читателю, как если бы они стояли перед ним на эстраде. Типы, к которым они относятся, общеизвестны и хотя, быть может, не слишком оригинальны, зато резко отличаются друг от друга. Да позволит читатель развернуться до конца событиям этой необычайной истории: он увидит, как поведут себя четыре парижанина, которые, привыкнув срывать аплодисменты во всех штатах Конфедерации, окажутся перенесенными на... Однако не будем забегать вперед, «не будем *ускорять темпа*», как выразился бы «Его высочество», и вооружимся терпением.

Итак, около восьми часов вечера четверо парижан стоят на пустынной дороге в Нижней Калифорнии перед обломка-

ми опрокинувшейся кареты. «Не угодно ли – опера Буальдьё»³, – пошутил Пэншина. Если Фрасколен, Ивернес и Пэншина отнеслись к происшествию философски, если оно даже вдохновило их на шутки профессионального характера, легко понять, что у главы квартета оно вызвало приступ ярости. Что поделаешь! Виолончелист – человек горячий и, что называется, вспыхивает, как порох. Потому Ивернес и уверяет, будто он прямой потомок Аякса и Ахилла, двух самых гневливых героев древности.

Не забудем, однако, добавить, что если Себастьян Цорн желчен, Ивернес мечтателен, Фрасколен благодушен, а Пэншина полон быющей через край веселости – они все отличные товарищи и любят друг друга как родные братья. Они ощущают между собой связь, перед которой бессильны разногласия на почве личных интересов или самолюбия, – общность вкусов, почерпнутых из одного источника. Их сердца, как хорошо сработанные инструменты, всегда бьются в унисон.

³ *Буальдьё* (1775–1834) – французский композитор; одна из его опер называется «Опрокинувшаяся карета».

Пока Себастьян Цорн ругается, ощупывая футляр своей виолончели, чтобы убедиться в ее целости и сохранности, Фрасколен направляется к вознице.

— Ну как, приятель, — спрашивает он, — что же нам делать, скажите?

— А что будешь делать, когда нет ни лошадей, ни экипажа?.. Ждать...

— Ждать, пока они появятся! — восклицает Пэншина. — А если они так и не появятся...

— Надо их раздобыть, — замечает Фрасколен, которому никогда не изменяет практическое направление его ума.

– Где?.. – рычит Себастьян Цорн, бегая взад и вперед по дороге.

– Там, где их найдете! – отвечает кучер.

– Э, послушайте-ка, любезный возница, – и голос виолончелиста мало-помалу поднимается до верхних регистров, – это что за ответ? Хорошее дело... По своей неловкости вы нас вываливаете, ломаете карету, калечите лошадей, а потом говорите: «Выкручивайтесь, как знаете!»

Увлеченный потоком собственных слов, Себастьян Цорн начинает изливаться в бесконечных и по меньшей мере бесполезных упреках, но его прерывает Фрасколен:

– Дай-ка я с ним поговорю, старина Цорн.

Затем он снова обращается к кучеру:

– Где мы находимся, приятель?

– В пяти милях от Фрескаля.

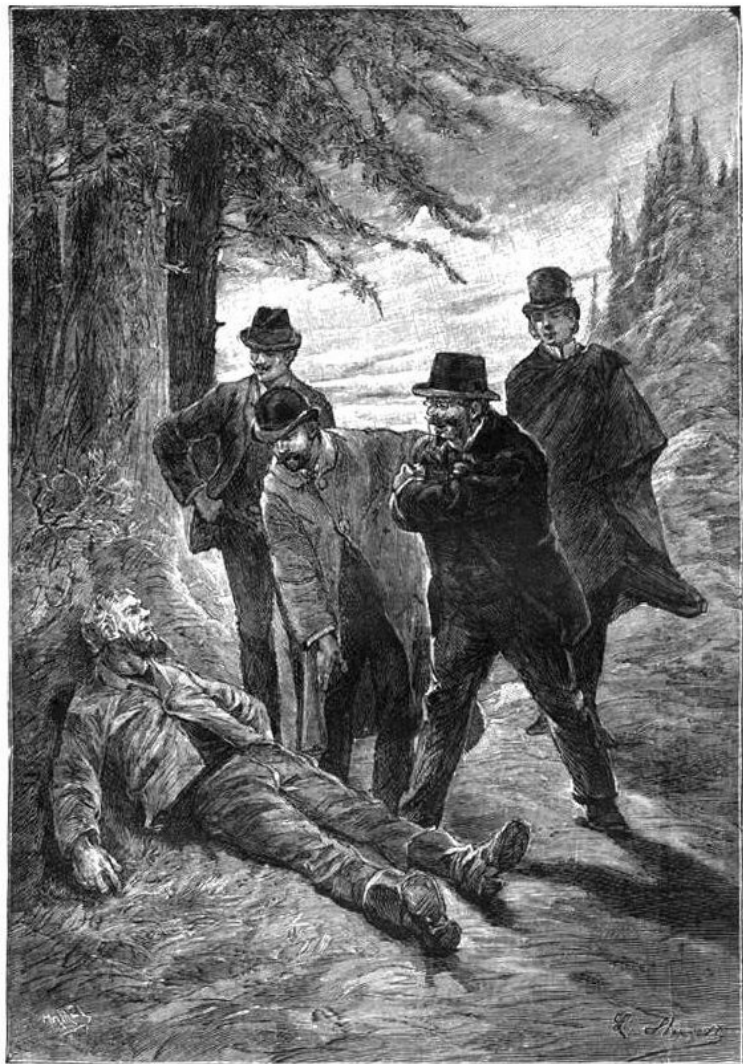
– Это железнодорожная станция?

– Нет... прибрежный поселок.

– А там найдется экипаж?

– Экипаж... вряд ли... тележка, пожалуй, найдется...

– Запряженная волами, как во времена меровингских королей! – восклицает Пэншина.

– *Где мы находимся, приятель?*

– Это не важно! – говорит Фрасколен.

– Ладно! – вмешивается опять Себастьян Цорн. – Спроси-ка у него лучше, есть ли в этой дыре постоянный двор... Надоело мне шататься по ночам...

– Друг мой, – спрашивает Фрасколен, – имеется ли в Фрескале какой-нибудь постоянный двор?

– Да... Там мы должны были менять лошадей.

– И чтобы добраться до этого поселка, надо идти по дороге?

– Прямо по дороге.

– Пошли! – кричит виолончелист.

– Но как быть с этим беднягой? Жестоко оставлять его одного... в таком положении, – замечает Пэншина. – Послушайте, приятель, а с нашей помощью вы не могли бы?..

– Невозможно, – отвечает кучер. – Да я сам лучше останусь здесь... у кареты... Утром я уж соображу, как отсюда выбраться.

– Нам бы только добраться до Фрескаля, – продолжает Фрасколен, – а там мы могли бы послать кого-нибудь к вам на помощь...

– Да... хозяин постоянного двора меня хорошо знает – и не оставит в беде...

– Ну что ж, идем?.. – восклицает виолончелист, берясь за футляр своего инструмента.

– Сию минуту, – отвечает Пэншина, – но сперва помогите-ка мне устроить нашего кучера на откосе.

Действительно, его необходимо унести с дороги, и, поскольку он не в состоянии пользоваться своими порядком-таки поврежденными ногами, Пэншина и Фрасколен поднимают его, переносят и усаживают под большим деревом, нижние ветви которого спускаются зеленым пологом.

– Двинемся ли мы когда-нибудь?.. – вопит Себастьен Цорн в третий раз. Тем временем при помощи ремней он уже пристроил футляр у себя за спиной.

– Готово, – говорит Фрасколен.

Затем он обращается к кучеру:

– Итак, решено... Хозяин фрескальского постоялого двора придет за вами... А сейчас вам ничего не нужно, приятель?..

– Да вот, – отвечает кучер, – хотелось бы глотнуть джину, если у вас во фляжках осталось.

Фляжка Пэншина еще полна, и «Его высочество» охотно жертвует ее.

– Ну, милейший, – говорит он, – чтобы не продрогнуть, ночью вы будете подогревать себя... изнутри!

Очередное негодующее восклицание виолончелиста наконец побуждает его товарищей двинуться в путь. Хорошо еще, что их вещи остались в багажном вагоне поезда и не были перенесены в карету. Если даже вещи и придут в Сан-Диего с запозданием, музыкантам по крайней мере не при-

дется тащить их на себе до Фрескаля. С них достаточно и скрипок, и даже больше чем достаточно футляра с виолончелью. Правда, ни один музыкант, достойный этого имени, никогда не расстается с инструментом, так же как солдат со своим ружьем или улитка со своей ракушкой.

Глава вторая

Могучее воздействие какофонической сонаты

Идти ночью по незнакомой дороге в пустынной местности, где злоумышленники обычно встречаются чаще, чем мирные путешественники, — дело, внушающее некоторое беспокойство. Именно в таком положении и оказался квартет. Французы, разумеется, народ храбрый, а уж у наших героев храбрости было хоть отбавляй. Но между храбростью и безрассудством существует граница, преступать которую неблагоприятно. В конце концов, если бы железнодорожный путь не оборвался на равнине, затопленной наводнением, если бы карета не перевернулась в пяти милях от Фрескаля, нашим артистам не пришлось бы пускаться в ночное путешествие по этой подозрительной дороге. Впрочем, будем надеяться, что с ними ничего худого не случится.

Было около восьми часов, когда Себастьян Цорн и его товарищи двинулись к побережью, в направлении, указанном кучером. Скрипачам грешно было бы жаловаться на свои ко-

жанные футляры с инструментами, легкие и не громоздкие. Они и не жаловались – ни мудрый Фрасколен, ни веселый Пэншина, ни мечтатель Ивернес. Но каково было виолончелисту с его ящиком – целый шкаф на спине! Разумеется, при своем характере он находил достаточно поводов для гнева. Отсюда и ворчание, и жалобы, изливавшиеся потоком междометий: ах! ох! уф!

Уже совсем стемнело. Густые облака мчатся по небу, и порою в узкие просветы между ними насмешливо выглядывает лунный серп. Неизвестно отчего, вернее всего, просто потому, что он сейчас сердит и сварлив, Себастьяну Цорну не нравится светлокудрая Феба. Он грозит ей кулаком и кричит:

– Ну а ты чего выставила свой дурацкий профиль! Что может быть нелепее этого ломтя недозрелой дыни, который разгуливает по небу!

– Было бы лучше, если бы луна повернулась к нам фасом, – говорит Фрасколен.

– Это почему же?.. – спрашивает Пэншина.

– Да потому что нам тогда было бы светлей.

– О непорочная Диана, – декламирует Ивернес, – о мирная вестница ночей, спутница земли, о ты, обожаемый кумир прелестного Эндимиона!..

– Прекратишь ли ты свою балладу? – кричит виолончелист. – Беда, если первые скрипки начинают нажимать на квинту!

– Прибавим-ка шагу, – говорит Фрасколен, – а то мы рискуем заночевать под открытым небом...

– Если оно не будет затянуто тучами... А кроме того, мы рискуем опоздать на концерт в Сан-Диего, – замечает Пэншина.

– Что за глупая затея! Черт побери! – восклицает Себастьян Цорн. От его резкого движения футляр с виолончелью издает жалобный звук.

– Но ведь затея эта, старик, была твоя... – говорит Пэншина.

– Моя?..

– Ну ясно! А почему нам было не остаться в Сан-Франциско? Ублажали бы слух милейших калифорнийцев...

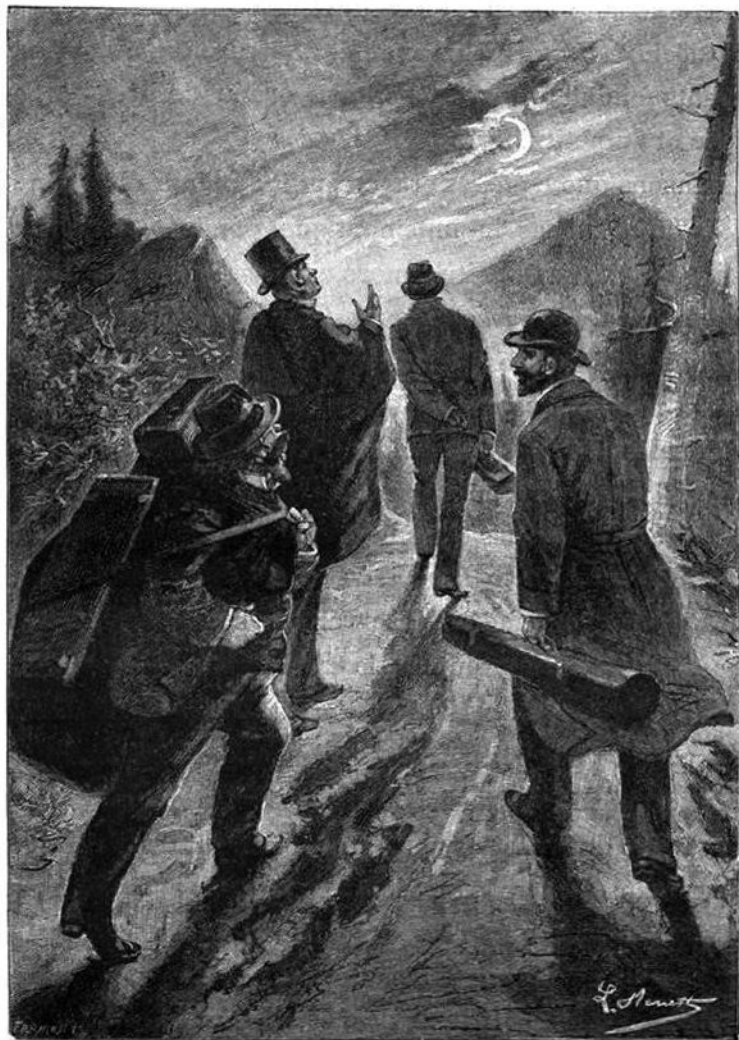
– Еще раз спрашиваю, – говорит виолончелист, – зачем мы поехали?

– Потому что ты так захотел.

– Ну, надо сознаться, это была пагубная мысль, и если...

– Ах!.. Друзья, поглядите! – перебивает Ивернес, указывая на небо, где тонкий луч луны высветлил края одного облака.

– В чем дело, Ивернес?

Мы рискуем заночевать под открытым небом...

– Смотрите, разве это облако не похоже на дракона с распростертыми крыльями и павлиньим хвостом, на котором сверкают все сто глаз Аргуса!

По всей вероятности, Себастьян Цорн не обладал столь мощным, стократ усиленным зрением, каким отличался страж дочери Инаха, ибо не заметил глубокой рытвины у себя под ногами и весьма неудачно оступился. И вот он уже лежит на животе со своим футляром за плечами, словно огромный жук, ползущий по земле.

Виолончелист в ярости – на этот раз у него есть все основания гневаться – и раздражается целым градом упреков по адресу первого скрипача, восхищенного своим небесным чудищем.

– Это все Ивернес! – утверждает Себастьян Цорн. – Если бы я не стал разглядывать его проклятого дракона...

– Это уже не дракон, друзья мои, – теперь это амфора! Даже при самом слабом воображении можно представить ее себе в руках Гебы, наливающей нектар.

– Боюсь, что в этом нектаре очень много воды, – восклицает Пэншина, – твоя пленительная богиня юности окатит нас холодным душем!

Это было бы неприятно, но и в самом деле собирается дождь. Предусмотрительность требует ускорить шаг и поискать убежища во Фрескале.

Раздраженного виолончелиста поднимают и ставят на ноги, но он все еще продолжает ворчать. Фрасколен любезно предлагает понести его виолончель. Сперва Себастьян Цорн не соглашается... Расстаться с инструментом?.. Виолончель работы Гана и Бернарделя – это же половина его самого... Но ему приходится сдаться, и драгоценная ноша переходит на спину услужливого Фрасколена, который препоручает Цорну свой легкий футляр.

Все снова пускаются в путь. Бодрым шагом проходят две мили безо всяких происшествий. Темнота сгущается, явно угрожает дождь. Падает несколько капель, очень крупных, из чего следует, что обронили их высокие грозовые тучи. Тем не менее амфора прекрасной Гебы Ивернеса дальше не изливается, и наши четверо полуночников обретают надежду добраться до Фрескаля совершенно сухими.

Приходится все же соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не упасть, пробираясь по темной дороге с глубокими рытвинами, с опасными крутыми поворотами, извивающейся над ущельями, откуда доносится трубный рокот потоков. И если Ивернес, верный своему складу ума, считает дорогу поэтичной, то у Фрасколена она вызывает беспокойство.

Можно опасаться также некоторых неприятных встреч, которые делают довольно сомнительной безопасность путешественников на дорогах Нижней Калифорнии. Единственное оружие квартета – смычки трех скрипок и одной виолончели, что может оказаться недостаточным в стране, где

изобретены револьверы Кольта, к этому времени уже изрядно усовершенствованные. Если бы Себастьян Цорн и его товарищи были американцами, каждый из них обзавелся бы небольшим кольтом, который обычно носят в специальном кармане брюк. Подлинный янки не сядет в вагон поезда, идущего из Сан-Франциско в Сан-Диего, без такого шестизарядного дорожного приспособления. Но французы об этом даже не подумали, считая такую предосторожность излишней. Как бы не пришлось им в этом раскаяться. Шествие возглавляет Пэншина; он идет, окидывая взглядом откосы дороги. Если они круто поднимаются с обеих сторон, можно почти не опасаться неожиданного нападения. «Его высочество» – весельчак по натуре и не в силах одолеть соблазна подшутить над своими товарищами, глупейшего желания попугать их. Внезапно остановившись, он бормочет дрожащим от ужаса голосом:

– Смотрите-ка... что там такое... Приготовимся стрелять...

Но когда дорога углубляется в густой лес, извиваясь среди гигантских представителей растительного мира Калифорнии – мамонтовых деревьев, или секвой, высотой в полтора-два фута, – желание шутить у Пэншина проходит. За каждым из этих громадных стволов может укрыться человек десять... Все время опасаясь яркой вспышки, сухого треска выстрела... свиста пули... В таких местах, словно нарочно приспособленных для ночного нападения, совершенно есте-

ственно ожидать западни... К счастью, не приходится бояться встречи с бандитами, но лишь потому, что этот достойный почтения тип совершенно перевелся на американском Западе: бандиты занимаются теперь финансовыми операциями на рынках Старого и Нового Света!.. Какой конец для правнуков Карла Моора и Жана Сбогара! Кому придут в голову подобные мысли, как не Ивернесу? «Право, – думает он, – декорация для такой пьесы слишком роскошна!»

Внезапно Пэншина замирает на месте.

Идущий позади Фрасколен тоже.

К ним тотчас же подходят Себастьян Цорн и Ивернес.

– Что там такое? – спрашивает вторая скрипка.

– Мне показалось... – отвечает альт.

Он вовсе не думает шутить. Среди деревьев действительно кто-то шевелится.

– Человек или зверь? – спрашивает Фрасколен.

– Не знаю.

Никто не решается сказать, какая из этих двух возможностей предпочтительнее. Тесно прижавшись друг к другу, неподвижные и безмолвные, все стараются что-нибудь разглядеть.

Но вот, проникнув сквозь разорвавшиеся облака, лунный свет озаряет вершины деревьев и пробивается между ветвями до самой земли. Теперь все хорошо видно шагов на сто кругом.

Пэншина отнюдь не стал жертвой расстроенного вообра-

жения. Неясная тень, слишком большая для человека, может быть только крупным четвероногим. Каким?.. Хищником?.. Вернее всего, что хищником... Но каким именно?..

– Стопоходящее! – говорит Ивернес.

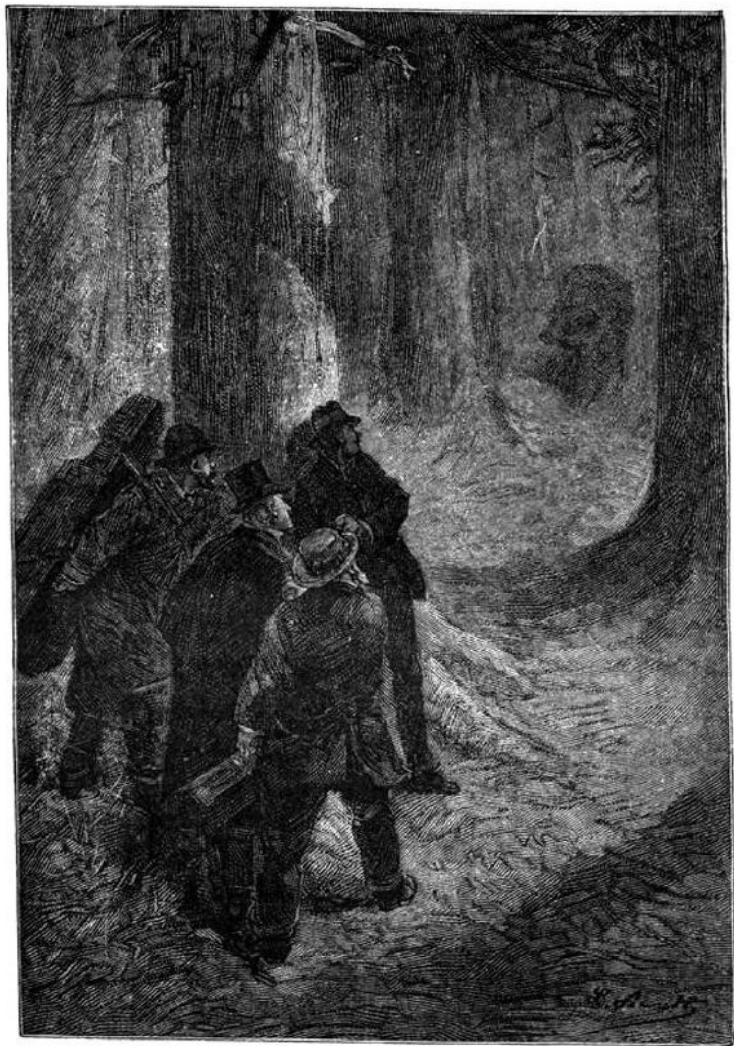
– Черт бы тебя побрал, скотина, – шепчет Себастьян Цорн тихо, но с раздражением, – а под скотиной я подразумеваю тебя, Ивернес... Ты что, не можешь выразаться по-человечески? Что это значит, «стопоходящее»?

– Животное, которое при ходьбе ступает всей подошвой ноги! – объясняет Пэншина.

– Медведь! – отвечает Фрасколен.

Действительно, это был медведь и притом крупный. В лесах Нижней Калифорнии не водятся ни львы, ни тигры, ни пантеры. Постоянные их обитатели – медведи, общение с которыми дело не слишком приятное.

Нет ничего удивительного, что наши парижане единодушно решили уступить дорогу этому «стопоходящему». Тем более что он ведь здесь был хозяин... Все четверо, еще теснее прижавшись друг к другу, начали отступать, пятясь задом, ибо не решились повернуться спиной к зверю, отходили медленно, не торопясь, и старались, чтобы их движения нельзя было принять за бегство.

Среди деревьев действительно кто-то шевелится.

Зверь потихоньку шел за ними, размахивая передними лапами, как сигнальщик, и раскачиваясь на ходу, как фланирующая гризетка. Понемногу он приближался и уже проявлял враждебные чувства. Он рычал и весьма выразительно лязгал зубами.

– А что, если нам пуститься наутек в разные стороны? – предлагает «Его высочество».

– Ни в коем случае! – отвечает Фрасколен. – Одного из нас он поймает, и тому придется расплачиваться за всех.

Это было в самом деле неосторожно, такое бегство совершенно очевидно могло иметь самые пагубные последствия.

Так, сбившись в кучу, музыканты вместе добрались до относительно светлой прогалины. Медведь подошел ближе – вот он всего шагах в десяти. Не кажется ли ему это местечко подходящим для нападения? Рычание его усиливается, и он ускоряет шаг.

Все четверо отступают еще поспешнее, и еще настоятельнее звучат советы второй скрипки:

– Спокойнее... спокойнее, друзья мои!

Прогалина пройдена, они опять под защитой деревьев. Но и здесь опасность ничуть не меньше. Перебираясь от ствола к стволу, зверь может броситься, когда невозможно будет предупредить его нападения: именно это он и намеревался сделать, но вдруг его рычание прекратилось, шаги замедли-

лись.

Глубокий мрак наполнился проникновенными звуками музыки, выразительным *largo*⁴, в котором словно раскрывается вся душа художника.

Это Ивернес вынул из футляра скрипку, и она зазвучала под повелительной лаской смычка. Мысль поистине гениальная! Почему бы действительно музыкантам не обрести спасения в музыке? Разве в свое время камни, подвинутые аккордами Амфионовой лиры, не расположились сами собой вокруг Фив? Разве дикие звери, прирученные вдохновенными звуками, не подползали к ногам Орфея? Так вот приходится допустить, что этот калифорнийский медведь под воздействием наследственного предрасположения оказался одаренным теми же художественными склонностями, что и его мифологические сородичи, ибо его свирепость стихла, покоренная музыкальным инстинктом, а по мере того как квартет продолжал в полном порядке свое отступление, он следовал за ним, издавая звуки, очень похожие на приглушенные восклицания восхищенного меломана. Еще немного – и он, пожалуй, закричал бы «браво!»...

Через четверть часа Себастьян Цорн и его товарищи оказались на опушке леса. Вот они уже совсем выбрались из него, а Ивернес все продолжал играть.

Зверь остановился. По-видимому, он не имел намерения

⁴ *Largo (итал.)* – широко. Музыкальный термин означает один из самых медленных темпов, подчеркивающий торжественность.

идти дальше. Он бил лапой о лапу.

Тогда Пэншина в свою очередь схватился за свой инструмент:

– Кошачий вальс, да повеселее!

И пока первая скрипка изо всех сил пиликала этот общеизвестный мотив в мажорном тоне, альт подыгрывал ей резкими и фальшивыми звуками нижнего регистра на минорной медианте.

Зверь вдруг пустился в пляс, поднимал то правую, то левую лапу, выкручивался, раскачивался, а тем временем четыре музыканта уходили все дальше и дальше по дороге.

– Увы! – заметил Пэншина. – Это был всего-навсего цирковой медведь!

– Не важно! – ответил Фрасколен. – Ивернесу пришла в голову чертовски удачная мысль!

– А ну, двинемся *allegretto*⁵, – вмешался виолончелист, – и не оглядываться!

Все же к десяти часам вечера четверо служителей Аполлона здоровыми и невредимыми добрались до Фрескаля.

Десятка четыре небольших деревянных домов, вернее – домишек, обступивших площадь, обсаженную буками, – вот и весь Фрескаль, уединенная деревушка в двух милях от морского берега. Миновав несколько домиков, осененных высокими деревьями, наши артисты очутились на площади. Они увидели в глубине ее скромную колоколенку скромной

⁵ *Allegretto (итал.)* – быстро, оживленно.

церкви. Расположившись полукругом, словно для исполнения какого-нибудь подходящего к случаю произведения, они стали держать совет.

– И это называется поселком... – сказал Пэншина.

– А ты рассчитывал на город вроде Филадельфии или Нью-Йорка? – спросил Фрасколен.

– Да она спит, эта ваша деревня! – заметил Себастьян Цорн, пожимая плечами.

– Не будем пробуждать уснувшего селенья! – с нежностью в голосе произнес Ивернес.

– Напротив, обязательно разбудим его! – воскликнул Пэншина.

И правда, приходилось прибегнуть к этому средству – не ночевать же на улице.

А кругом ни души, полнейшая тишина. Ни одной приоткрытой ставни, ни одного освещенного окошка; здесь, среди полного покоя и безмолвия, отлично мог бы возвышаться дворец Спящей красавицы.

– Ну а как же постоялый двор? – спросил Фрасколен.

Да... постоялый двор, о котором говорил кучер, где попавшие в беду путники должны были встретить хороший прием и получить приют?.. А хозяин, который должен безотлагательно выслать подмогу злополучному кучеру? Или все это приснилось бедняге?.. Может быть, надо предположить другое: а вдруг Себастьян Цорн и его труппа заблудились? Может быть, это вовсе и не Фрескаль?..

Эти разнообразные вопросы требовали определенного ответа. Следовательно, необходимо было расспросить кого-нибудь из местных жителей, а для этого постучать в дверь одного из домишек, лучше всего – в дверь постоянного двора, если бы, на счастье, удалось его обнаружить.

И вот четверо музыкантов производят разведку на обь-
ятой тьмой площади, ощупывают фасады домов, стараются отыскать вывеску... Однако ничего похожего на постоянный двор нет.

Но нельзя же допустить, чтобы за неимением гостиницы здесь не нашлось хоть какого-нибудь пристанища, и раз они не в Шотландии, значит надо действовать по-американски. Кто из жителей Фрескаля откажется от одного, а то и двух долларов с человека за ужин и постель?

– Давайте постучимся, – говорит Фрасколен.

– И в такт, – добавляет Пэншина. – Счет – три четверти.

Но они могли бы с одинаковым успехом колотить в двери и без всякого ритма. Ни одна дверь, ни одно окошко не открылись, а между тем Концертный квартет поднял такой грохот, что ответить ему достойно должны были бы по крайней мере двенадцать домов.

– Мы ошиблись... – заявляет Ивернес. – Это не деревня, это кладбище, и если тут спят, так уж, наверное, вечным сном... *Vox clamantis in deserto*⁶.

– Аминь! – отвечает «Его высочество» громогласно, как

⁶ Глас вопиющего в пустыне (*лат.*).

соборный певчий.

Что же делать, если жители упорствуют в своем молчании? Продолжать путь в Сан-Диего?.. Но они в полном смысле слова подымают с голоду и усталости... Да и куда они пойдут без проводника, в ночной темноте?.. Попытаться добраться до другой деревни?.. Но какой?.. Если верить кучеру, в этой части побережья никаких поселений больше нет... Они только окончательно заблудятся... Самое лучшее – дожидаться утра. Однако провести еще несколько часов без крова, под открытым небом, которое затянуто низкими тяжелыми тучами, грозящими проливным дождем, – это даже артистам не улыбается.

Тут у Пэншина возникает идея. Идеи у него не всегда блестящие, но зато их много. Впрочем, на сей раз она получает одобрение мудрого Фрасколена.

– Друзья мои, – говорит Пэншина, – прибегнем к способу, который принес нам победу над медведями. Вдруг да он поможет нам и в калифорнийской деревне. Разбудим-ка этих грубиянов мощным концертом и не поскупимся на хорошие фиоритуры.

– Что же, попытаемся, – отвечает Фрасколен.

Себастьян Цорн даже не дал Пэншина договорить. Он вынул из футляра виолончель, установил ее в вертикальном положении на ее стальном острие и, стоя со смычком в руке, поскольку сесть было негде, приготовился уже исторгнуть из своей певучей коробки все таящиеся в ней звуки.

Его товарищи тоже приготовились следовать за ним до самых дальних пределов искусства.

– Квартет си-бемоль Онслоу, – говорит он. – Начнем...

Этот квартет Онслоу они знают наизусть, и хорошим исполнителям, разумеется, не нужно освещения, чтобы перебирать своими ловкими пальцами по грифам виолончели, скрипки или альты.

И вот они уже во власти вдохновения. Быть может, в свое исполнение на театральных эстрадах и подмостках Американской конфедерации они никогда не вкладывали столько мастерства и души. Возвышенная гармония звуков наполняет воздух, и какие человеческие существа, если они не совсем глухи, могут устоять перед нею? Находишься они даже на кладбище, как уверял Ивернес, и то от очарования этой музыки разверзлись бы могилы, восстали мертвецы и зааплодировали бы скелеты...

И однако, дома по-прежнему заперты, спящие не пробуждаются. Пьеса заканчивается взрывом мощного финала, а Фрескаль не подает никаких признаков жизни.

– Ах вот как! – восклицает Себастьен Цорн в полном бешенстве. – Их дикарским ушам, так же как медведям, нужен кошачий концерт?.. Ладно, начнем сначала, но ты, Ивернес, играй в ре, ты, Фрасколен, – в ми, ты, Пэншина, – в соль. А я по-прежнему – в си-бемоль, и валяйте изо всех сил!

Что за какофония! Барабанные перепонки лопнут! Вот что поистине напоминает импровизированный оркестр, ко-

торый играл под управлением герцога де Жуанвиля в деревушке, затерянной в бразильских лесах! Можно подумать, что на простых пиликалках исполняется какая-то ужасающая симфония – Вагнер навыворот!..

В общем, идея Пэншина себя оправдала. Чего не удалось добиться отлично сыгранной пьесой, то сделал кошачий концерт. Фрескаль начинает пробуждаться. Там и сям мелькнули огни. В окнах загорелся свет. Обитатели деревушки не умерли, они подают признаки жизни. Нет, они не оглохли, они слышат и внимают...

– Нас закидают яблоками! – говорит Пэншина в паузе, ибо, пренебрегая тональностью пьесы, музыканты в точности соблюдают ритм.

– Что ж, тем лучше... яблоки мы съедем! – отвечает практичный Фрасколен.

И по команде Себастьяна Цорна концерт возобновляется. Наконец, когда он завершается мощным аккордом в четырех разных тонах, артисты останавливаются.

Нет! Не яблоки летят в них из двадцати или тридцати широко распахнутых окон, оттуда доносятся рукоплескания и крики: «Ура! Гип! Гип! Гип!» Никогда еще слух обитателей Фрескаля не ласкала столь сладостная музыка! И теперь уже, без сомнения, во всех домах окажут гостеприимство таким несравненным виртуозам.

Никогда еще слух обитателей Фрескаля не ласкала столь сладостная музыка!

Но пока они предавались своему музыкальному исступлению, к ним незаметно приблизился новый слушатель. Этот человек приехал в коляске на электрическом ходу, остановившейся в глубине площади. Насколько можно разглядеть в ночном сумраке, он был высокого роста и довольно плотного сложения. И вот, пока наши парижане задаются вопросом, не откроются ли для них после окон также и двери, — что остается по меньшей мере неясным, — незнакомец подходит к ним и приветливо произносит на отличном французском языке:

— Я, господа, простой любитель, и мне посчастливилось аплодировать...

— Нашему последнему номеру?... — иронически спрашивает Пэншина.

— Нет, господа... Первому — редко я слышал, чтобы этот квартет Онслоу исполнялся с таким мастерством!

Без сомнения, этот человек — знаток.

— Сударь, — отвечает Себастьян Цорн от имени своих товарищей, — мы очень тронуты вашей любезностью... Если второй наш номер терзал ваш слух, то дело в том...

— Сударь, — отвечает неизвестный, прерывая объяснение, которое угрожало затянуться, — я никогда не слышал, чтобы фальшивили с таким совершенством. Но я понял, почему вы

так поступили. Вам нужно было разбудить добрых обитателей Фрескаля, которые, кстати сказать, уже опять заснули. И потому, господа, разрешите мне предложить вам то, чего вы добивались от них с помощью таких отчаянных средств...

– Гостеприимство?.. – спрашивает Фрасколен.

– Да, гостеприимство, и притом такое, какого даже в Шотландии не встретить. Если не ошибаюсь, передо мною Концертный квартет, чья слава гремит по всей нашей прекрасной Америке, щедрой на изъяснения восторга.

– Сударь, – счел своим долгом сказать Фрасколен, – уверяю вас, мы польщены... А... это гостеприимство, где мы можем найти его... с вашей помощью?..

– В двух милях отсюда.

– В другой деревне?

– Нет... в городе.

– Большом городе?

– Безусловно.

– Позвольте, – вмешивается Пэншина, – нам же сказали, что до Сан-Диего нет ни одного города...

– Это ошибка... мне непонятная.

– Ошибка? – повторяет Фрасколен.

– Да, господа, и, если вы отправитесь вместе со мной, я обещаю вам прием, достойный таких артистов, как вы.

– Я думаю, мы примем это предложение... – говорит Ивернес.

– Разделяю твое мнение, – присоединяется Пэншина.

– Постойте, постойте! – восклицает Себастьян Цорн. – Дайте высказаться руководителю ансамбля!

– Что изволите сказать?.. – спрашивает американец.

– Нас ожидают в Сан-Диего, – отвечает Фрасколен.

– В Сан-Диего, – добавляет виолончелист, – куда мы приглашены на несколько музыкальных утреников. Первый из них должен состояться послезавтра, в воскресенье...

– А! – отвечает неизвестный тоном, в котором сквозит изрядная досада. – Но это несущественно, господа, – продолжает он, – за один день вы сможете осмотреть город, который того стоит, и я обязуюсь доставить вас на ближайшую станцию так, чтобы в воскресенье вы были в Сан-Диего.

Что и говорить, предложение соблазнительное и сделано как раз кстати. Квартет теперь может рассчитывать на хорошую комнату в хорошем отеле, не говоря уже о внимании, которое гарантирует им любезный незнакомец.

– Вы согласны, господа?..

– Согласны, – отвечает Себастьян Цорн, ибо голод и усталость располагают отнести к подобному приглашению благосклонно.

– Тогда решено, – говорит американец, – отправимся сейчас же, и за двадцать минут мы доедем. Я уверен, что в конце концов вы меня поблагодарите!

А между тем обитатели поселка, выказав приветственными криками свое одобрение кошачьему концерту, снова позакрывали окна. Свет повсюду погас, и поселок Фрескаль

опять погрузился в глубокий сон.

Четверо артистов вслед за американцем подходят к его экипажу, укладывают свои инструменты и размещаются на заднем сиденье, а на переднее рядом с механиком усаживается их любезный проводник. Механик нажимает на какой-то рычаг, электрические аккумуляторы начинают работать, экипаж трогается с места, и вот они уже мчатся в западном направлении.

Еще через четверть часа впереди появляется широкое светлое зарево, похожее на сияние ослепительно-ярких лунных лучей. Это город, о существовании которого наши парижане даже не подозревали.

Экипаж останавливается, и Фрасколен говорит:

– Наконец-то мы на побережье.

– Нет... это не побережье, – отвечает американец, – тут нам придется переправиться через проток...

– А на чем?... – спрашивает Пэншина.

– На пароме, где установят наш экипаж.

Действительно, тут же стоит один из механических паромов, которые так распространены в Соединенных Штатах, и

на него принимают экипаж вместе с пассажирами. По-видимому, паром движется посредством электричества, ибо дыма не видно; минуты через две паром уже пересек неширокое водное пространство и причалил к пристани в глубине какого-то большого порта.

Экипаж продолжает свой бег по дорогам, обсаженным деревьями, и попадает в парк, над которым высоко подвешенные фонари изливают яркий свет.

В решетке парка открываются ворота, ведущие на широкую и длинную улицу, вымощенную гулками плитами. Через пять минут артисты выходят у подъезда комфортабельного отеля, где по одному слову американца их встречают с многообещающей предупредительностью. Их ведут к роскошно сервированному столу, и, как и следовало ожидать, они ужинаяют с большим аппетитом. После ужина метрдотель приводит их в просторную комнату, освещенную электрическими лампами белого накала, которые благодаря специально приспособленным выключателям можно превратить в чуть светящиеся ночники. И, отложив на завтра заботу о разъяснении всех этих чудес, они наконец засыпают в четырех кроватях, поставленных в четырех углах комнаты, и вскоре начинают похрапывать с такой же удивительной сыгранностью, какой вообще славится этот Концертный квартет.

Глава третья

Словоохотливый чичероне

Наутро, уже в семь часов, в их общей комнате раздаются сперва громкие звуки, отлично подражающие утренней зоре горниста, играющего побудку в казарме, а затем команда, которую играет Пэншина:

– Живо!.. Гоп!.. На ноги!.. Раз-два!

Ивернес, самый ленивый из членов квартета, предпочел бы вылезти из-под теплых одеял только в три или даже в четыре счета. Но ему приходится последовать примеру товарищей и из горизонтального положения перейти в вертикальное.

– Нам нельзя терять ни минуты... ни единой! – заявляет «Его высочество».

– Да, – говорит Себастьян Цорн, – ведь завтра нам надо быть в Сан-Диего.

– Ну что ж! – отвечает Ивернес. – Город этого любезного американца мы осмотрим в полдня.

– Но меня удивляет, – добавил Фрасколен, – что поблизости от Фрескаля расположен большой город!.. Почему же наш кучер даже не упомянул о нем?..

– Важно в нем находиться, мой добрый старый скрипичный ключ, – говорит Пэншина, – а мы в нем как раз и находимся.

Из двух больших окон в комнату льются потоки дневного света, и на целую милю вдаль виднеется улица, окаймленная двумя рядами деревьев.

Четверо друзей совершают свой туалет в комфортабельной ванной комнате, оборудованной всеми современными усовершенствованиями: тут и снабженные градусниками краны с горячей и холодной водой, механически опоражнивающиеся умывальные тазы, электрические нагреватели для ванны, для щипцов, пульверизаторы с эссенциями и духами, электрические вентиляторы, механические щетки – к одним просто подставляют голову, к другим достаточно приложить одежду или сапоги, чтобы отлично вычистить их и привести глянец. В комнате имеются, конечно, часы; повсюду вспыхивают электрические лампочки, стоит только протянуть руку – и многочисленные кнопки звонков и телефон дают возможность немедленно связаться с любой из служб отеля.

Впрочем, Себастьян Цорн и его товарищи могут сноситься не только с отелем, но и с различными кварталами города и, может быть, – как полагает Пэншина, – даже с любым городом Соединенных Штатов Америки.

– Или даже обоих полушарий, – добавляет Ивернес.

А пока они поджидают подходящего случая для подобного опыта, в семь сорок семь им передают телефонограмму на английском языке: «Калистус Мэнбар желает доброго утра уважаемым членам Концертного квартета и просит их, как только они будут готовы, спуститься в столовую „Эксцельси-

ор-Отеля“, где им будет подан первый завтрак».

– «Эксцельсиор-отель»! – произносит Ивернес. – У этого караван-сарая роскошное название.

– Калистус Мэнбар – это наш любезный американец, – замечает Пэншина, – и имя у него тоже весьма звучное.

– Друзья мои, – восклицает виолончелист, чей желудок так же был склонен командовать, как и сам его обладатель, – раз уж завтрак подан, пойдем завтракать, а затем...

– А затем... прогуляемся по городу, – добавляет Фрасколен. – Но что это за город?

Так как наши парижане уже совсем, или почти совсем, готовы, Пэншина отвечает по телефону, что через пять минут они явятся по приглашению мистера Калистуса Мэнбара.

И вот, покончив с туалетом, они направляются к лифту, который спускает их в просторный холл. В глубине широко раскрыта дверь столовой – обширного зала, сверкающего позолотой.

– Я весь в вашем распоряжении, господа!

Эту фразу из шести слов произносит вчерашний знакомец. Он из тех людей, которых как будто знаешь уже давно, как говорится – «целую вечность».

Калистусу Мэнбару лет пятьдесят-шестьдесят, но он выглядит сорокапятилетним. Рост у него выше среднего, живот слегка выдается; руки и ноги крепкие и сильные; походка твердая; он полон сил и пышет здоровьем, если позволено так выразиться.

Себастьян Цорн и его друзья неоднократно встречали людей этого типа, а в Соединенных Штатах – весьма часто. Голова у Калистуса Мэнбара огромная, круглая, покрытая еще не поседевшими светлыми и выующимися волосами, которые разлетаются в разные стороны, как листва, колеблемая ветром; лицо румяное, желтоватое; довольно длинная борода разделена на две заостряющиеся на концах пряди; верхняя губа выбрита, уголки рта слегка приподняты, губы сложены в улыбку, чаще всего – насмешливую; зубы сверкают белизной слоновой кости; толстый нос с раздувающимися ноздрями плотно врос в переносье, над которым – две вертикальные складки; на носу пенсне на серебряной цепочке, тонкой и гибкой, как шелковая нить. За стеклами пенсне сверкают живые глаза с зеленоватой радужной оболочкой и горящими зрачками. Эту голову соединяет с плечами бычья шея. Туловище прочно укреплено на мясистых бедрах, ноги прямые, а ступни несколько вывернуты.

На Калистусе Мэнбаре надет просторный диагональный пиджак табачного цвета. Из нагрудного кармана высовывается кончик нарядного носового платка. Белый, низко вырезанный жилет на трех золотых пуговицах. От одного кармана к другому протянулась массивная цепь; на одном ее конце хронометр, а на другом – шагомер, не говоря уже о многочисленных брелоках, позвякивающих между ними. Эта выставка ювелирных изделий дополняется целой серией перстней, украшающих толстые красные пальцы. Рубашка безукон-

ризенной белизны, туго до блеска накрахмаленная, с тремя сверкающими бриллиантовыми запонками, с большим отложным воротником, почти закрывающим галстук из узкой золотисто-коричневой тесьмы. Просторные полосатые брюки, постепенно суживающиеся книзу, и шнурованные ботинки с алюминиевыми пряжками.

Что касается физиономии янки, то, хотя черты лица его очень выразительны, за этой выразительностью ничего не скрывается – такие лица бывают у людей, которые ни в чем не сомневаются и которые, как говорится, «видали виды». Человек он наверняка весьма оборотистый, а также энергичный, о чем свидетельствуют крепость его мускулов, резкие складки надбровья и сжатые челюсти. Нередко он раскати-сто хохочет, но как-то в нос, так что его смех больше похож на насмешливое ржание.

Таков Калистус Мэнбар. Завидев членов квартета, он поднимает свою широкополую шляпу, к которой очень подошло бы страусовое перо по моде времен Людовика XIII. Он пожимает четырем артистам руки и подводит их к столу, где бурлит чайник и дымится традиционное жаркое. Он все время говорит, не давая собеседникам перебить его ни одним вопросом, может быть именно для того, чтобы уклониться от ответов, – расписывает великолепие города, необычайные обстоятельства, при которых тот возник, и по окончании завтрака заключает свой пространный монолог такими словами:

- Подымайтесь, господа, и следуйте за мной. Я только хочу вас предупредить...
- Насчет чего? – спрашивает Фрасколен.
- У нас строжайше запрещено плевать на улицах.
- Да у нас и нет такой привычки... – протестует Ивернес.
- Отлично!.. Вам не придется платить штрафов.
- Не плевать... в Америке!.. – бормочет Пэншина удивленно и вместе с тем недоверчиво.

Человек он наверняка весьма оборотистый...

Трудно было бы заполучить в провожатые более замечательного чичероне, чем Калистус Мэнбар. Город он знает досконально. Он осведомлен, кому принадлежит каждый особняк, знает, кто живет в каждом доме, и нет ни одного прохожего, который не приветствовал бы его с дружеской фамильярностью.

Город правильно распланирован. Широкие проспекты и улицы с балконами над тротуарами пересекаются под прямым углом, образуя нечто вроде шахматной доски. В этой геометрической планировке проявляется единство архитектурного замысла, которое, однако, не исключает разнообразия. Стиль фасадов и внутреннее убранство домов не подчинены никаким правилам, кроме фантазии строителей. За исключением некоторых торговых кварталов улицы застроены домами, скорее напоминающими дворцы. Тут парадные дворы и изящные флигели, фасады – торжественные и стильные; внутри – несомненно роскошное убранство; позади домов зеленеют такие большие сады, что их вполне можно назвать парками. Все же надо заметить, что деревья, видимо недавно посаженные, еще не разрослись. То же самое можно сказать и о скверах. Разбитые на скрещения основных магистралей города, они засеяны травой, такой яркой и свежей, какая бывает в английских садах, и засажены всевозможными растениями умеренного и жаркого поясов, еще не

получившими из почвы достаточно соков для полного развития. И эта особенность являет поразительный контраст с природой данной части американского Запада, изобилующего гигантскими лесами, находящимися поблизости от больших калифорнийских городов.

Квартет шел куда глаза глядят, и каждый из его членов по-своему обозревал эту часть города. Ивернеса привлекало то, к чему оставался равнодушен Фрасколен, Себастьяна Цорна занимало то, что не интересовало Пэншина, но всех их интриговала тайна, окутывавшая этот неизвестный город. Их совершенно различные точки зрения дадут в целом довольно верное представление о нем. Кроме того, рядом – Калистус Мэнбар, у которого на все готов ответ. Однако правильно ли сказать «ответ»?.. Он говорит, говорит, не ожидая вопросов, и надо только не мешать ему изливаться. Его словесная мельница вертится от малейшего дуновения.

Трудно было бы заполнить в провожатые более замечательного чичероне.

Через четверть часа после того, как они покинули «Эксельсиор-отель», Калистус Мэнбар объявил:

– Сейчас мы находимся на Третьей авеню, а в городе их около тридцати. Здесь ведется самая оживленная торговля – это наш Бродвей, наш Риджент-стрит, наш Итальянский бульвар. Тут в специализированных и универсальных магазинах можно найти и предметы роскоши, и товары первой необходимости – все, чего только захочется людям, превыше всего заботящимся о своем благополучии и комфорте.

– Магазины я вижу, – замечает Пэншина, – но не вижу покупателей...

– Может быть, еще слишком рано?.. – высказывает предположение Ивернес.

– Это потому, что большей частью заказы делаются по телефону или даже телеавтографу, – отвечает Калистус Мэнбар.

– А что это значит?.. – спрашивает Фрасколен.

– Это значит, что мы часто пользуемся телеавтографом, усовершенствованным аппаратом, который передает писанный текст, как телефон передает живую речь, а кроме того – кинетографом, который записывает движения, являясь для зрения тем, чем фонограф является для слуха, и телефотом, передающим изображения. Телеавтограф дает более основа-

тельную гарантию, чем простая телеграмма, которой может злоупотребить кто угодно. Мы можем подписывать посредством электричества чеки и векселя...

– И даже брачные свидетельства?.. – ироническим тоном вопрошает Пэншина.

– Конечно, господин алыт. Почему бы не вступить в брак по телеграфному проводу?..

– Или разводиться?..

– И разводиться!.. Именно от этого наши аппараты больше всего и изнашиваются.

И тут чичероне разражается таким громким смехом, что все побрякушки на его жилете пускаются в пляс.

– Вы весельчак, господин Мэнбар, – говорит Пэншина, следуя примеру американца.

– Да... как зяблик в солнечный день!

Тут перед ними возникает поперечная улица. Это Девятнадцатая авеню, с которой изгнаны все торговые предприятия. Трамвайные линии бороздят ее, так же как и ту, по которой только что шли музыканты. Быстрые экипажи проносятся мимо, не поднимая ни пылинки, ибо мостовая, выложенная не подверженными гниению торцами из австралийского эвкалипта, – она могла бы быть даже из бразильского красного дерева! – блестит, словно ее натерли металлическими опилками. Впрочем, Фрасколен, внимательный наблюдатель всевозможных физических явлений, замечает, что звук шагов отдается на ней, как на металлических плитах.

«Как у них развито металлическое производство! – думает он. – Даже мостовые они стали выделывать из листового железа!»

И он уже собрался приступить к Калистусу Мэнбару с вопросами, когда тот воскликнул:

– Господа, взгляните на этот особняк!

Он указал на обширное, величественное здание, флигеля которого, выступающие вперед и замыкающие парадный двор, были соединены алюминиевой решеткой.

– В этом особняке – можно было бы сказать, в этом дворце – живет семья одного из виднейших людей города. Я имею в виду Джема Танкердона, владельца неиссякаемых нефтяных источников в Иллинойсе, самого, быть может, богатого и, следовательно, самого почтенного и уважаемого из наших сограждан...

– Миллионер?.. – спрашивает Себастьян Цорн.

– Пф! – фыркает Калистус Мэнбар. – Миллион у нас ходячая монета, здесь счет идет на сотни миллионов! В этом городе живут только сверхбогатеишие набобы. Вот отчего за короткое время купцы из торгового квартала нажили здесь целые состояния – я имею в виду розничных торговцев, ибо в этом единственном в мире микрокосме вы не найдете ни одного оптовика.

– А промышленники?.. – спрашивает Пэншина.

– Промышленников нет!

– А судовладельцы?.. – спрашивает Фрасколен.

– Тоже нет.

– Значит, рантье?.. – говорит Себастьян Цорн.

– Только рантье и купцы, наживающие себе капитал для ренты.

– Ну... а как же рабочие?.. – замечает Ивернес.

– Когда оказывается нужда в рабочих, их привозят из других мест, а когда работа кончается, они возвращаются восвояси... с хорошим... заработком!..

– Послушайте, господин Мэнбар, – говорит Фрасколен, – держите же вы у себя в городе хоть несколько бедняков, хотя бы только для того, чтобы эта порода у вас не совсем перевелась!

– Бедняков, господин второй скрипач?.. Ни одного бедняка вы здесь не найдете!

– Значит, нищенство запрещено?

– Его незачем запрещать, ведь нищие в наш город проникнуть не могут. Это годится для городов Федерации, там имеются всякие дома для бедных, ночлежки, работные дома... и в дополнение к ним – тюрьмы.

– Не станете же вы утверждать, что у вас нет тюрем?..

– Нет, так же, как и заключенных.

– Ну а преступники?

– Их просят оставаться в Старом или Новом Свете, где они могут действовать, согласно своему призванию, в гораздо более подходящих условиях.

– Э, право же, господин Мэнбар, – говорит Себастьян

Цорн, – послушать вас, так можно подумать, что мы не в Америке.

– Вчера вы находились там, господин виолончелист, – отвечает этот удивительный чичероне.

– Вчера?.. – удивляется Фрасколен, недоумевая, что может означать это странное замечание.

– Конечно!.. А сегодня вы находитесь в совершенно независимом городе, свободном городе, на который Американская федерация не имеет никаких прав, который не подчинен никакой посторонней власти.

– А как он называется?.. – спрашивает Себастьян Цорн; в нем уже начинает пробуждаться его обычная раздражительность.

– Как он называется?.. – повторяет Калистус Мэнбар. – Позвольте мне пока не сообщать его названия...

– Когда же мы его узнаем?..

– Когда кончите его осматривать, что, кстати сказать, для него большая честь.

Сдержанность американца в этом вопросе – явление по меньшей мере странное. Но в конце концов – это не важно. К полудню музыканты завершат свою интересную прогулку, и даже если они узнают название города в тот момент, когда будут покидать его, – не все ли равно? Единственное соображение по этому поводу, которое приходит в голову, следующее: каким образом такой значительный город может находиться в определенном месте калифорнийского побере-

жья, не принадлежа к Федеральной республике Соединенных Штатов? И с другой стороны, как объяснить, что их кучер не подумал даже упомянуть о нем? Самое важное для артистов – в течение ближайших суток добраться до Сан-Диего, где они получают ключ к загадке, даже если Калистус Мэнбар не соизволит ее разъяснить.

Между тем эта странная личность опять пускается в словоизвержения, но явно не желает сообщать никаких более точных сведений.

– Господа, – говорит он, – мы подошли к Тридцать седьмой авеню. Обратите внимание на изумительную перспективу! В этом квартале тоже нет лавок, магазинов и уличного движения, свидетельствующего о торговой деятельности. Только особняки и частные квартиры, но у здешних жителей капиталы помельче, чем у обитателей Девятнадцатой авеню. Здешние рантье имеют миллионов десять-двенадцать...

– Совсем нищие, что и говорить! – заявляет Пэншина, и выразительная гримаса кривит его рот.

– Э, господин альт, – возражает на это Калистус Мэнбар, – всегда можно оказаться нищим по отношению к кому-нибудь. Миллионер по сравнению с человеком, у которого только сто тысяч франков, – богач. Но он не богач по сравнению с тем, у кого сто миллионов!

Наши артисты уже неоднократно могли заметить, что из всех слов, которые употребляет их чичероне, «миллион» слетает у него с языка чаще других. Слово и в самом деле за-

вораживающее. Калистус Мэнбар выговаривает его, надувая щеки и с каким-то металлическим звучанием в голосе, будто, произнося его, он уже чеканит монету. И если изо рта его сыплются не драгоценные камни, как у сказочного крестника фей, у которого падали из уст жемчуг и изумруды, так уж по крайней мере – золотые монеты.

И Себастьян Цорн, Пэншина, Фрасколен, Ивернес всё бродят и бродят по необыкновенному городу, географическое наименование которого им еще неизвестно. Здесь улицы оживлены. Снуют прохожие, все хорошо одеты, и лохмотья бедняка не оскорбляют ничьих взглядов. Повсюду трамваи, экипажи, грузовые повозки на электрической тяге. Некоторые крупные магистрали снабжены самодвижущимися тротуарами, которые приводятся в действие вращением замкнутой цепи и по которым можно ходить, как ходят в поезде независимо от их движения.

Электрические экипажи катятся по мостовой так же бесшумно, как шар по сукну бильярда. Что касается экипажей в подлинном смысле слова, то есть запряженных лошадьми, то они попадают только в очень богатых кварталах.

– А вот и церковь! – говорит Фрасколен.

И он указывает на здание довольно тяжелых пропорций, безо всякого архитектурного стиля, расположившееся, словно огромный торт, посредине площади, покрытой зелеными газонами.

– Это протестантский храм, – сообщает Калистус Мэнбар,

останавливаясь перед зданием.

– А в вашем городе есть и католические церкви?.. – спрашивает Ивернес.

– Да, сударь. Впрочем, должен обратить ваше внимание на то обстоятельство, что, хотя на земном шаре имеется около двадцати тысяч различных религий, мы здесь довольствуемся католичеством и протестантством. У нас не так, как в Соединенных Штатах, соединенных в политическом смысле, но разъединенных в отношении религии, ибо в них столько же сект, сколько семей, – методисты, англикане, пресвитерианцы, анабаптисты, уэслианцы, и так далее. Здесь же – только протестанты, верные кальвинистской доктрине, либо уж католики-паписты.

– А на каком языке у вас говорят?

– Одинаково распространены и английский, и французский...

– С чем вас и поздравляем, – говорит Пэншина.

– Город, – продолжает Калистус Мэнбар, – разделен на две более или менее одинаковые части. Сейчас мы находимся...

– В западной, я полагаю... – замечает Фрасколен, ориентируясь на положение солнца.

– В западной... если угодно...

– Как это... «если угодно»? – изумляется такому ответу вторая скрипка. – Разве положение частей света в вашем городе меняется по прихоти любого обитателя?

– И да... и нет... – говорит Калистус Мэнбар. – Позже я

вам это объясню... А пока вернемся к этой части города... западной, если вам угодно, в которой живут исключительно протестанты; они даже и здесь остаются людьми практичными, в то время как более интеллектуальные, более утонченные католики занимают другую часть города. Само собой понятно, что храм этот – протестантский.

– Да, похоже на то, – говорит Ивернес. – В храме такой тяжелой архитектуры молитва не поднимается к небу, а распластывается по земле.

– Хорошо сказано! – восклицает Пэншина. – Мистер Мэнбар, в таком механизированном городе ведь можно прослушать проповедь и мессу по телефону?..

– Да, конечно.

– И исповедаться?

– Совершенно так же, как можно вступить в брак по телеавтографу. Согласитесь, что это практично...

– Невероятно практично, мистер Мэнбар, – отвечает Пэншина, – невероятно.

Глава четвертая

Концертный квартет расстроен

После такой длительной прогулки к одиннадцати часам человеку разрешается проголодаться. И наши артисты готовы широко использовать это разрешение. Их желудки образуют прекрасный ансамбль, и все четверо настроены на один

лад: во что бы то ни стало надо позавтракать. С этим согласен и Калистус Мэнбар, не менее своих гостей подверженный необходимости ежедневно принимать пищу. Не вернуться ли в «Эксцельсиор-отель»? Пожалуй, придется, ибо ресторанов, по-видимому, не так уж много в этом городе, где все, вероятно, привыкли сидеть по домам и куда, надо полагать, редко заглядывают туристы из Старого и Нового Света.

За несколько минут трамвай доставляет проголодавшихся виртуозов и их чичероне в отель, и там они подсаживаются к уставленному яствами столу. Поразительный контраст с обычной американской трапезой, где большое количество блюд не искупает их невысокого качества. Здесь говядина и баранина превосходны; птица – нежная и ароматная, рыба – соблазнительно свежая. Кроме того, вместо обычной в американских ресторанах воды со льдом – на столе пиво различных сортов и вина, которые еще десять лет тому назад перебродили под солнцем Франции на холмах Медока и Бургундии.

Пэншина и Фрасколен отдают должное этому завтраку по меньшей мере с таким же усердием, как Себастьян Цорн и Ивернес... Само собой разумеется, Калистус Мэнбар настоял на том, что он угощает, и с их стороны было бы невежливо возражать.

Этот янки, чье красноречие неиссякаемо, проявляет чарующую любезность. Он говорит обо всем, относящемся к городу, за исключением именно того, что его сотрапезники

больше всего хотели бы знать, — то есть, что же это в конце концов за независимый ни от кого город, название которого он медлит им сообщить? Пусть они потерпят, он все скажет, как только окончится осмотр. Уж не намеревается ли он напоить членов квартета, чтобы они опоздали на поезд в Сан-Диего?.. Думать так нет оснований: ведь, плотно покушав, всегда захочешь хорошо выпить.

Все уже заканчивали десерт; подали чай, кофе и ликеры — как вдруг в гостинице задрожали стекла от громкого оружейного выстрела.

— Что это?.. — спрашивает, вздрогнув, Ивернес.

— Не волнуйтесь, господа, — отвечает Калистус Мэнбар. — Это пушка обсерватории.

— Если она отмечает полдень, — говорит Пэншина, взглянув на часы, — то с запозданием.

— Нет, господин алыт, нет. Здесь солнце, так же как и в других местах, не опаздывает.

Странная улыбка приподнимает уголки губ американца, глаза под стеклами пенсне блестят, он потирает руки. Можно подумать, он радуется тому, что ему удалось кого-то «хорошо разыграть».

Фрасколен, который меньше, чем его товарищи, разомлел от обильной трапезы, смотрит на него с некоторой подозрительностью и не знает, что думать.

— Ну-с, друзья мои, — позвольте мне так вас называть, — с наилюбезнейшим видом говорит Калистус Мэнбар, — теперь

нам надо осмотреть другую часть города. Я умру от огорчения, если вы упустите хоть малейшую подробность! Не будем терять времени...

– В котором часу отходит поезд на Сан-Диего?.. – спрашивает Себастьян Цорн, озабоченный тем, как бы из-за опоздания не потерять ангажемента.

– Да... в котором часу?.. – настойчиво твердит Фрасколен.

– О!.. под вечер, – отвечает Калистус Мэнбар и подмигивает левым глазом. – Пойдемте, дорогие гости, пойдемте... Вы не раскаетесь, что взяли меня своим проводником.

Ну как не уступить такому любезному человеку?

Четверо артистов покидают зал «Эксцельсиор-Отеля» и медленно идут по улице. Похоже на то, что они отдали слишком щедрую дань вину, ибо ноги у них подкашиваются. Почва как будто обнаруживает склонность уходить у них из-под ног. А ведь они идут не по самодвижущемуся тротуару, который тянется вдоль панели.

– Эге, эге!.. Давайте держаться друг за друга, – восклицает, спотыкаясь, «Его высочество».

– Кажется, мы слегка выпили, – подхватывает Ивернес, вытирая себе лоб.

– Ладно, господа парижане, – утешает американец, – один раз не в счет!.. Надо же было spraysнуть ваше прибытие сюда.

– И мы опорожнили чашу до дна! – отвечает Пэншина, который примирился с обстоятельствами и, по-видимому, был в наилучшем настроении.

Улица, по которой они следуют за Калистусом Мэнбаром, приводит их в другую часть города. Здесь оживление носит совсем иной характер, повадки менее пуританские, как будто вас внезапно перенесли из Северных штатов в Южные, из Чикаго в Новый Орлеан, из Иллинойса в Луизиану. В магазинах больше народа, в архитектуре больше изящества и фантазии, дома оборудованы комфортабельнее, особняки, столь же великолепные, как и в протестантской части, имеют более веселый вид. Обитатели тоже отличаются и внешним обликом, и походкой, и манерой держаться. Можно подумать, что город этот двойной, как бывают двойные звезды, и две его части представляют собой два рядом расположенных, но во всем не схожих города.

Дойдя почти до центра этого района, на середине Пятнадцатой авеню вся компания останавливается, и Ивернес восклицает:

- Смотрите, настоящий дворец!..
- Дворец семьи Коверли, – объясняет Калистус Мэнбар. – Нэт Коверли не уступает Джиму Танкердону...
- Он еще богаче?.. – спрашивает Пэншина.
- Так же богат, – говорит американец. – Это бывший банкир из Нового Орлеана, сотен миллионов у него больше, чем пальцев на обеих руках.
- Прелестная пара перчаток, дорогой господин Мэнбар.
- Еще бы!
- И эти два именитых горожанина, Джим Танкердон и Нэт

Коверли, разумеется, враги?..

– Во всяком случае – соперники. Оба стараются добиться главенства в городских делах и ревниво следят друг за другом.

– Что ж, они в конце концов съедят друг друга? – спрашивает Себастьян Цорн.

– Может быть... И если один проглотит другого...

– Какое у него будет расстройство желудка! – подхватывает «Его высочество».

Калистус Мэнбар, которого рассмешил этот выпад, хохочет так, что живот у него ходит ходуном.

Католическая церковь возвышается на обширной площади, что позволяет любоваться ее изящными пропорциями. Она построена в готическом стиле, а чтобы оценить по достоинству готическую постройку, не надо отходить далеко от нее, ибо вертикальные линии, составляющие своеобразную прелесть готики, не производят должного впечатления, если глядеть издали. Церковь Святой Марии заслуживает восхищения, ибо нельзя не любоваться ее стройными островерхними кровлями, тонкой резьбой ажурных каменных розеток, изяществом сводов, прелестью стрельчатых окон.

– Прекрасный образец англосаксонской готики, – говорит Ивернес, большой любитель архитектуры. – Вы были правы, господин Мэнбар, обе части вашего города так же несхожи между собой, как храм в первой из них отличен от собора во второй.

– И однако же, господин Ивернес, обе эти части – детища одной матери.

– Но... разных отцов?.. – замечает Пэншина.

– Нет... одного отца, любезные мои друзья! Только они получили разное воспитание. Их приспособили к потребностям тех, кто стремился обрести мирное, блаженное существование, избавленное от всяких забот... Существование, какого никому не может обеспечить ни один город Старого или Нового Света.

– Клянусь Аполлоном, господин Мэнбар, – отвечает Ивернес, – берегитесь! Вы уж чересчур возбуждаете наше любопытство!.. Вы словно тянете без конца одну и ту же музыкальную фразу. Ждешь не дожدهшься заключительного аккорда...

– И в конце концов это утомляет слух! – добавляет Себастьян Цорн. – Может быть, уже наступил момент сообщить нам название этого необыкновенного города?

– Нет еще, дорогие гости, – отвечает американец, поправляя на носу золотое пенсне. – Дождитесь конца нашей прогулки, а пока пойдемте дальше...

– Прежде чем идти дальше, – говорит Фрасколен, у которого к любопытству начинает примешиваться какая-то неясная тревога, – я хочу сделать одно предложение.

– Какое же?

– Почему бы нам не подняться к самому шпилю церкви Святой Марии? Оттуда мы могли бы увидеть...

– Нет, нет! – восклицает Калистус Мэнбар, мотая своей громадной всклокоченной головой... – Не теперь... позже...

– Но когда же?.. – спрашивает виолончелист, которого начинают раздражать все эти таинственные увертки.

– Под конец нашей экскурсии, господин Цорн.

– Так мы вернемся к этой церкви?

– Нет, друзья мои, наша прогулка завершится осмотром обсерватории, башня которой на целую треть выше шпиля церкви Святой Марии.

– Но почему же все-таки, – настаивает Фрасколен, – не воспользоваться случаем?..

– Потому что... весь мой эффект пропал бы!

Нет никакой возможности вытянуть другой ответ у этой загадочной личности.

Остается только подчиниться, и обстоятельный осмотр второй части города продолжается. Осматривают торговые кварталы, портновские мастерские, обувные и шляпные магазины, мясные, бакалейные, фруктовые лавки, булочные и т. д. Калистус Мэнбар, которого приветствует большая часть попадающихся навстречу прохожих, отвечает на поклоны с тщеславным удовлетворением. Он неутомимо расхваливает все и вся, словно демонстрирует какие-то чудеса природы, и язык его работает не переставая, как церковный колокол в праздничный день.

Было уже около двух часов, когда квартет добрался до окраины города. По ту сторону великолепной решетки, уви-

той цветами и вьющимися растениями, простираются поля, сливаясь с линией горизонта.

Здесь Фрасколен делает некое наблюдение, которым не считает нужным поделиться со своими товарищами. Все, наконец, объяснится на башне обсерватории.

Наблюдение его состоит в том, что солнце, которому в два часа дня следовало быть на юго-западе, находится на юго-востоке.

Это обстоятельство приводит в изумление пытливый ум Фрасколена, и он начинает «выкомуривать себе над ним мозги», как говорит Рабле, но внезапно течение его мыслей прерывается восклицанием Калистуса Мэнбара:

– Господа, трамвай отходит через несколько минут. По-едем в порт...

– В порт?.. – спрашивает Себастьян Цорн.

– О, придется проехать не больше мили, а это позволит вам полюбоваться нашим парком!

Раз имеется порт, он должен быть расположен по ту или другую сторону города на калифорнийском берегу. И правда, где же ему быть, как не на берегу?..

Артисты, несколько сбитые с толку, рассаживаются на скамьях комфортабельного вагона, где уже сидят несколько пассажиров, которые здороваются с Калистусом Мэнбаром – черт возьми, да он со всеми знаком! – и электрический двигатель начинает работать.

Калистус Мэнбар прав, называя парком местность, про-

стирающуюся вокруг города. Всюду аллеи, уходящие вдаль, зеленеющие лужайки, крашенные ограды, прямые или зигзагообразные заросли деревьев – здесь растут дубы, клены, буки, каштаны, железное дерево, вязы и кедры, и все эти молодые рощи населены множеством птиц самых различных пород. Это настоящий английский сад с бьющими родниками, пышными клумбами во всем блеске весеннего цветения, зарослями кустарников, где смешаны самые разнообразные сорта растений – гигантские герани, как в Монте-Карло, апельсины, лимоны, оливы, лавры, мастиковые деревья, алоэ, камелии, далии, александрийские белые розы, гортензии, белые и розовые лотосы, южноамериканские страстоцветы, пышные сочетания фуксий, сальвий, бегоний, гиацинтов, тюльпанов, крокусов, нарциссов, анемонов, персидских ранункулов, ирисов, цикламенов, орхидей, кальцеолярий, древовидных папоротников, а также растений тропической зоны: индийского тростника, кокосовых и финиковых пальм, смоковниц, эвкалиптов, мимоз, бананов, гуайяв, бутылочных тыкв, – одним словом, здесь имеется все, чего любители могут требовать от самого богатого ботанического сада.

Ивернес со своим умением всегда припомнить что-нибудь из старинной поэзии, наверное, считает, что его перенесли в один из буколических пейзажей «Астреи»⁷. В самом деле,

⁷ «Астрея» – пасторальный роман французского писателя XVII века Оноре д'Юрфе, где несчастный влюбленный бросается в реку Линьон.

по свежим лугам здесь бродят овцы, позади изгородей прыгают лани, косули и другие изящные представители лесной фауны, и можно лишь пожалеть об отсутствии очаровательных пастухов и пастушек из романов Оноре д'Юрфе. Вместо реки Линьон здесь извивается речка Серпентайн, чьи живописные струи протекают среди невысоких холмов этой сельской местности.

Только все здесь кажется искусственным.

Иронически настроенный Пэншина восклицает по этому поводу:

– И у вас нет других рек?

На что следует ответ Калистуса Мэнбара:

– Реки? А для чего нам они?

– Но нужна вода, черт побери!

– Вода... то есть вещество, обычно зараженное, полное микробов – тифозных и всяких других?..

– Ну, ее можно очищать...

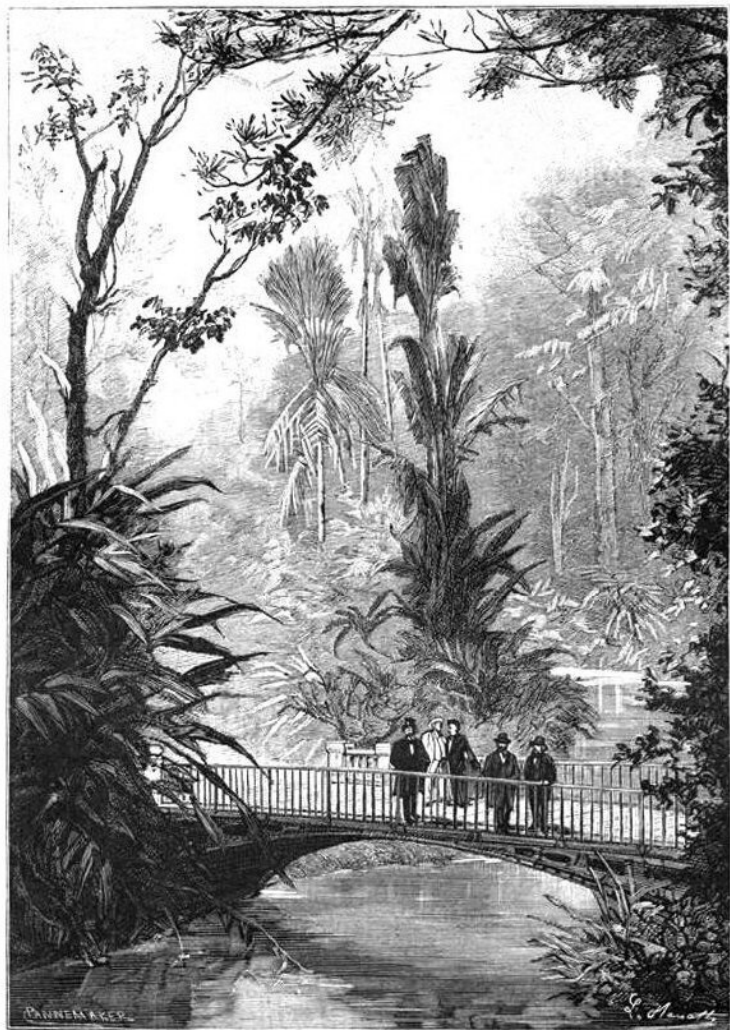
– А зачем это делать, когда так легко вырабатывать вполне гигиеническую воду, совершенно обезвреженную и даже, по желанию, газированную или железистую...

– Вы сами вырабатываете воду?.. – спрашивает Фрасколен.

– Разумеется, и обеспечиваем водой, горячей и холодной, жилые помещения, так же как мы обеспечиваем их светом, звуками, возможностью узнавать точное время, теплом, прохладой, двигательной силой, антисептическими средствами

и электрической энергией.

– В таком случае можно подумать, – говорит Ивернес, – что у вас вырабатывается также и дождь для поливки газонов и клумб?

Речка Серпентайн, чьи животворные струи протекают среди невысоких холмов.

– Вот именно... господин первый скрипач, – отвечает американец, и кольца на его пальцах, поглаживающих бороду, сверкают в пышных прядях.

– Дождь по заказу! – восклицает Себастьян Цорн.

– Да, дорогие друзья мои, дождь, который трубопроводы, проложенные под землей, своевременно позволяют рассеивать самым правильным, упорядоченным и разумным способом. Разве это не лучше, чем зависеть от произвола природы и подчиняться прихоти климата, проклинать непогоду, не имея возможности помочь беде, страдать то от зарядивших дождей, то от долгой засухи?

– Пойдите, пойдите, мистер Мэнбар... – перебивает его Фрасколен. – Ладно, вы можете по своему желанию устраивать дождь. Но вы же не можете помешать ему падать с неба...

– Небо?... А оно тут при чем?..

– Небо, или, если вы предпочитаете, тучи, несущие дождь, воздушные течения со всей своей свитой – циклонами, смерчами, шквалами, бурями, ураганами... Ну, например, в дурное время года...

– В дурное время года?... – повторяет Калистус Мэнбар.

– Да... зимою...

– Зима?... А что это такое?..

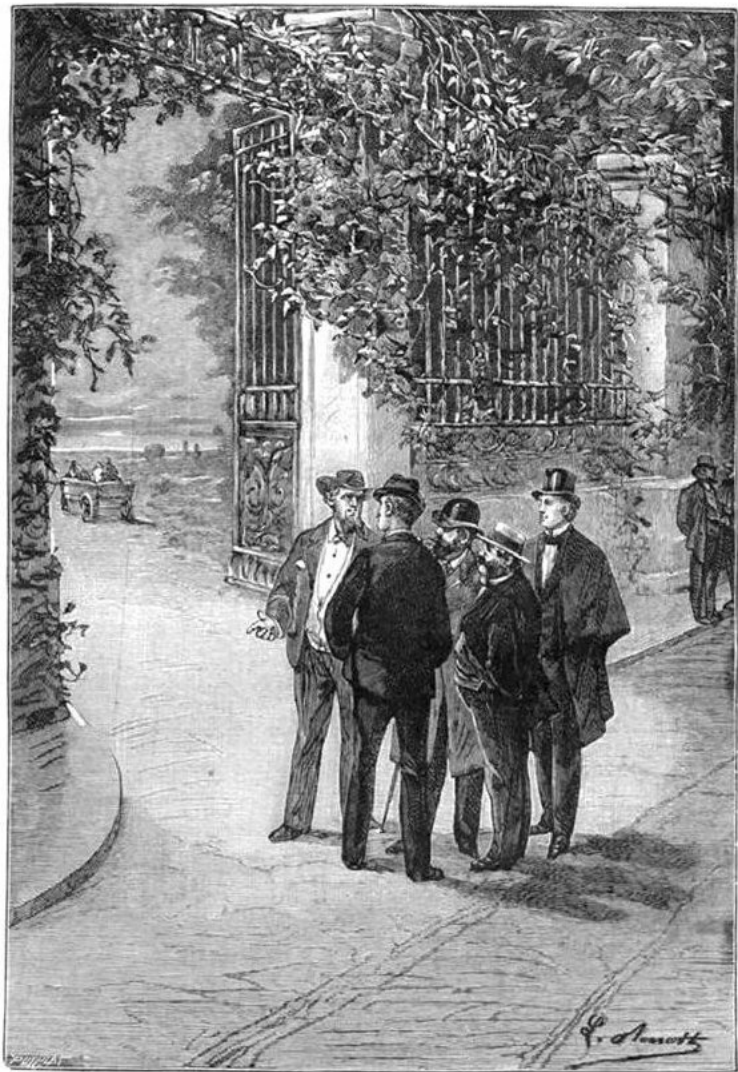
– Да говорят вам – зима, мороз, снег, лед! – восклицает Себастьян Цорн, которого приводят в ярость иронические ответы этого янки.

– Ничего подобного мы не знаем! – спокойно отвечает Калистус Мэнбар.

Четверо парижан переглядываются. Что он – сумасшедший или мистификатор? В первом случае следовало бы запереть его покрепче, во втором – хорошенько отлупить.

Между тем вагоны трамвая медленно проходят среди этих волшебных садов. За пределами огромного парка виднеются тщательно возделанные участки земли, разноцветные прямоугольники, похожие на образчики тканей, некогда выставлявшиеся в витринах портных. Это, без сомнения, гряды овощей – картофеля, капусты, моркови, репы, лука, – словом, всего того, что требуется для приготовления хорошего овощного супа.

Но им хотелось бы увидеть поля и ознакомиться с тем, как произрастают в этой удивительной местности пшеница, рожь, овес, кукуруза, ячмень, гречиха и другие злаки.

L. Annett

Все здесь кажется искусственным.

Вдруг появляется завод с металлическими трубами над низкими крышами матового стекла. Трубы на железных устоях похожи на трубы плывущего океанского парохода «Грейт-Истерн», для вращения мощных винтов которого требуется не меньше ста тысяч лошадиных сил, с тою лишь разницей, что вместо черных клубов дыма из этих труб вылетают только легкие струйки, никакой гарью не засоряющие атмосферу. Завод занимает площадь в десять тысяч квадратных ярдов, то есть около гектара. Это первое промышленное предприятие, которое члены квартета видят с начала экскурсии, проходящей под руководством Калистуса Мэнбара.

– А это что за предприятие?.. – спрашивает Пэншина.

– Завод с выпаривательными аппаратами, работающий на нефти, – отвечает американец, и острый взгляд его грозит, кажется, пробить стекла пенсне.

– А что производится на вашем заводе?..

– Электрическая энергия, которая расходуется по всему городу, парку, загородной местности и дает двигательную силу и свет. Одновременно завод питает энергией наши телеграфы, телеавтографы, телефоны, телефоты, звонки, кухонные печи, все прочие машины, осветительную аппаратуру, лампы дуговые и лампы накаливания, алюминиевые луны, подводные кабели...

– Подводные кабели?.. – с живостью переспрашивает

Фрасколен.

– Да!.. Которые связывают город с различными пунктами на американском побережье...

– Неужто необходимо было строить такой огромный завод?

– Разумеется... при нашем расходе электрической энергии... а также энергии умственной, – отвечает Калистус Мэнбар. – Поверьте, господа, понадобилось неисчислимое количество и той, и другой энергии, чтобы основать этот бесподобный, единственный в мире город.

Слышно глухое ворчанье гигантского завода, мощный звук выпускаемых паров, гул машин, ощущается легкое колебание почвы, свидетельствующее о том, что здесь действуют механические силы, превосходящие все, что до настоящего времени могла породить современная индустрия. Неужели для того, чтобы приводить в движение динамо-машины или заряжать аккумуляторы, нужна такая мощь?

Трамвай проходит мимо завода и в четверти мили от него останавливается у порта.

Пассажиры выходят, и гид, продолжая свои восхваления, ведет французов по набережной, идущей вдоль складов и доков. Порт может предоставить стоянку не более чем десятку кораблей. Это скорее небольшая внутренняя гавань, чем порт. Ее замыкают молы, две дамбы на железных устоях, мощные фонари которых указывают вход в гавань кораблям, приходящим с открытого моря.

Сегодня в гавани всего около полдюжины пароходов – одни из них нефтеналивные суда, другие предназначены для перевозки продуктов и потребительских товаров, – и, кроме того, несколько барок, снабженных электрическими двигателями для рыбной ловли в открытом море.

Фрасколен подмечает, что вход в гавань обращен на север, и делает вывод, что она расположена в северной части одного из тех выступов побережья нижней Калифорнии, которые выдвинуты в Тихий океан. Он констатирует также, что морское течение имеет направление на восток и что оно довольно быстрое, ибо вода бежит вдоль устоев дамбы совсем так, как бегут волны вдоль бортов плывущего корабля. Вероятно, так было из-за того, что происходил прилив, хотя вообще-то приливы у западных берегов Америки не очень заметны.

– А где река, через которую мы вчера переезжали на пароме? – спрашивает Фрасколен.

– Она сейчас позади. – Вот единственный ответ, который Фрасколен получает от янки.

Но задерживаться нельзя: ведь надо возвращаться в город, чтобы попасть на вечерний поезд в Сан-Диего.

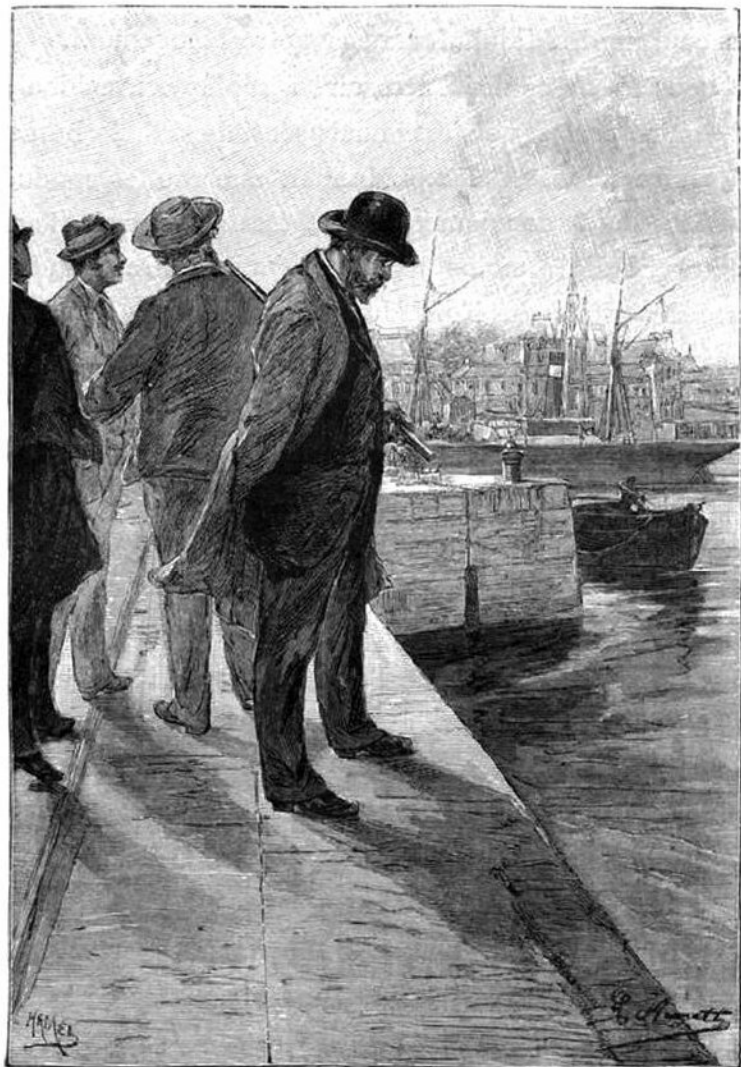
Себастьян Цорн напомнил об этом американцу, но тот ответил:

– Не беспокойтесь, дорогие друзья... Времени хватит... Мы вернемся в город на электрическом поезде, который идет вдоль берега... Вы хотели обозреть одним взглядом всю местность и не позже чем через час сделаете это с башни об-

серватории.

– Так вы уверяете?.. – настаивает виолончелист.

– Уверяю вас, что завтра на рассвете вы уже будете не там, где сейчас находитесь!

Морское течение имеет направление на восток.

Квартет вынужден удовлетвориться таким довольно невразумительным ответом. Однако любопытство Фраско-лена возбуждено до крайности, еще больше, чем у его товарищей. Он с нетерпением ждет момента, когда очутится на вершине башни, откуда, по словам американца, местность можно обозреть на сотню миль вокруг. Если и тогда нельзя будет точно установить географическое положение необыкновенного города, то, видимо, вообще придется от этого отказаться.

В глубине гавани виднеется вторая линия электрической железной дороги, проходящая вдоль морского берега. Электрический поезд состоит из шести вагонов, где уже разместились многочисленные пассажиры. Впереди прицеплен моторный вагон с аккумуляторами на двести ампер. Идет поезд со скоростью пятнадцать-восемнадцать километров.

Калистус Мэнбар усаживает членов квартета в вагон, и поезд сразу трогается, словно он только и дожидался наших парижан.

Местность, которая теперь разворачивается перед ними, мало чем отличается от парка, простирающегося между городом и портом. Та же ровная, тщательно возделанная почва. Зеленые луга и поля вместо лужаек и газонов – вот и вся разница. На полях растут овощи, а не злаки. В данный момент искусственный дождь из подземных трубопроводов

орошает благодатным ливнем эти длинные прямоугольники, начертанные при помощи веревки и угломера.

Небо не сумело бы столь математически точно распределить этот дождь.

Электрическая дорога тянется вдоль берега: с одной стороны – море, с другой – поля. Вагоны пробегают таким образом около пяти километров. Затем они останавливаются перед батареей из двенадцати орудий крупного калибра; у входа на батарею надпись: «Батарея Волнореза».

– Наши пушки заряжаются с казенной части, но никогда с нее не разряжаются, как орудия старушки Европы! – замечает Калистус Мэнбар.

В этом месте линия берега резко изгибается, он образует нечто вроде мыса, очень острого, напоминающего носовую часть корпуса корабля или даже таран броненосца, разбиваясь о который морские волны словно разрезаются надвое и обдают его своей белой пеной. Такой эффект возникает, по-видимому, благодаря силе течения, так как в море волна сейчас небольшая, а по мере того как солнце склоняется к западу, она еще уменьшается.

От этого пункта отходит ветка электрической железной дороги, направляющаяся к центру города, тогда как первая по-прежнему извивается вдоль побережья.

Калистус Мэнбар просит своих гостей пересесть в другой вагон и объявляет им, что они направляются обратно к городу.

Погуляли вполне достаточно. Калистус Мэнбар вынимает

часы, шедевр женевского мастера Сивана, часы говорящие, часы-фонограф. Он нажимает кнопку, и отчетливо слышатся слова: «Четыре часа тринадцать минут».

– А вы не забыли о подъеме на обсерваторию?.. – напоминает Фрасколен.

– Могу ли я забыть об этом, мои дорогие и уже давние друзья?.. Да я скорее позабыл бы свое собственное имя, которое здесь далеко небезызвестно! Еще четыре мили, и мы окажемся перед великолепным зданием в конце Первой авеню, разделяющей наш город пополам.

Электрический поезд тронулся. За полями, на которые все еще падает «послеполуденный», по выражению американца, дождь, раскинулся все тот же парк с изгородями, газонами, клумбами и зарослями деревьев.

Раздается бой часов – половина пятого. Две стрелки указывают время на гигантском циферблате, укрепленном, как циферблат часов лондонского парламента, на четырехгранной башне.

У подножия башни расположены строения обсерватории, предназначенные для различных целей. Некоторые из них, увенчанные круглыми металлическими куполами с застекленными прорезами, дают возможность астрономам наблюдать движение звезд. Они окружают центральный двор, посередине которого и вздымается башня, ее высота – сто пятьдесят футов. С верхней галереи можно окинуть взглядом пространство радиусом в двадцать пять километров, по-

скольку горизонта не замыкают никакие возвышенности, холмы или горы.

Калистус Мэнбар, опережая своих гостей, входит в двери, которые распахивает перед ним швейцар в великолепной ливрее. В глубине холла их ожидает кабина электрического лифта. Музыканты вместе со своим проводником входят в кабину, и она плавно поднимается вверх. Через сорок пять секунд она останавливается на уровне верхней площадки башни.

На этой площадке возвышается флагшток с огромным флагом, полотнище которого треплет северный ветер.

Что это за флаг? Ни один из наших парижан не в состоянии этого распознать. Как будто американский флаг с его красными и белыми полосами, но в углу, вместо шестидесяти семи звезд, сверкающих в данное время на небе Конфедерации, только одна. На лазурном фоне – одна-единственная звезда, или, вернее, золотое солнце, и кажется, оно соперничает в блеске с дневным светилом.

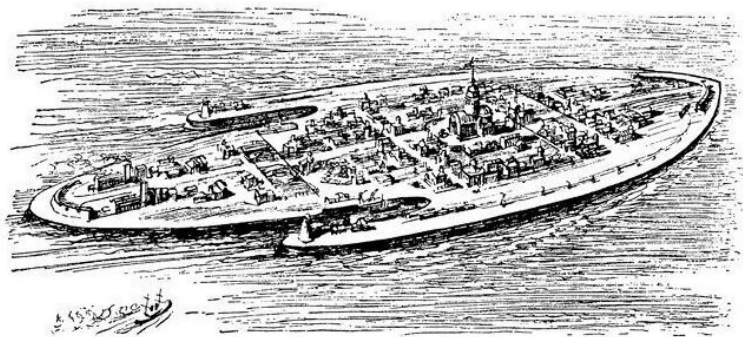
– Наш флаг, господа, – произносит Калистус Мэнбар, почтительно снимая шляпу.

Себастьяну Цорну и его товарищам ничего не оставалось, как последовать примеру американца.

Через площадку артисты проходят к парапету, наклоняются...

Из их груди вырывается крик, в котором звучат и удивление, и ярость.

Вся равнина раскрывается перед их глазами, и эта равнина представляет собой правильный овал, со всех сторон окруженный открытым морем. Насколько видит глаз – нигде нет и признаков суши.

Правильный овал, со всех сторон окруженный открытым морем.

А ведь накануне, ночью, покинув деревню Фрескаль в экипаже американца, Себастьян Цорн, Фрасколен, Ивернес и Пэншина миля две ехали по твердой земле... Затем они в том же экипаже въехали на паром и переправились через какой-то проток... Затем снова оказались на суше... Право же, они бы заметили перемену, если бы, покинув калифорнийское побережье, пустились в плавание.

Фрасколен оборачивается к Калистусу Мэнбару.

– Мы на острове?.. – спрашивает он.

– Как видите! – отвечает янки, и губы его складываются в самую любезную улыбку.

– А что это за остров?

– Он называется Стандарт-Айленд.

– А как называется город?..

– Миллиард-Сити.

Глава пятая

Стандарт-Айленд и Миллиард-Сити

В то время считали возможным, что какому-нибудь дерзновенному статистику-географу удастся наконец определить точное число островов, разбросанных по земному шару. Без преувеличения можно сказать, что число их доходит до нескольких тысяч. Неужели же среди этих островов не нашлось бы хоть одного, который отвечал бы желаниям основателей Стандарт-Айленда и требованиям его будущих обитателей? Нет! Ни одного. И вот с «американомеханической» практичностью был выработан проект создания из отдельных частей искусственного острова, который явился бы последним словом современной металлургической техники.

Стандарт-Айленд (что означает – «образцовый остров») является островом на гребных винтах. Миллиард-Сити – его столица. Откуда взялось такое название? Почему город называют так? Очевидно потому, что это – город миллиарде-

ров, город Гульдов, Вандербильтов, Ротшильдов.

Но, скажут нам, слова «миллиард» в английском языке не существует... Англосаксы Старого и Нового Света всегда говорили a thousand millions, тысяча миллионов... «Миллиард» – слово французское. Верно, однако же, за последние несколько лет оно перешло в разговорный язык Великобритании и Соединенных Штатов и с полным основанием применено к столице Стандарт-Айленда.

Идея искусственного острова сама по себе не так уж необычна. Погрузив в реку, в озеро или море достаточное количество разных материалов, люди в состоянии создать остров. Но в данном случае этого было бы мало. Принимая во внимание назначение Стандарт-Айленда, те требования, которым он должен был удовлетворять, нужно было, чтобы этот остров мог передвигаться и, следовательно, чтобы он был плавучим. Здесь-то и заключалась главная трудность, но благодаря наличию машин почти безграничной мощности она не превосходила технических возможностей металлургических и металлообрабатывающих заводов.

Уже в конце XIX века американцы со своей инстинктивной склонностью к тому, что у них называется «big»⁸, с их восхищением перед всем, что «огромно», задумали поставить в нескольких сотнях миль от берега гигантский плот на якорях. Это был бы если не город, то, во всяком случае, станция посреди Атлантики, с ресторанами, отелями, клубами,

⁸ Большой, огромный (англ.).

театрами и т. д., где туристам были бы предоставлены все удовольствия самых модных морских курортов. Такой проект был осуществлен и дополнен. Только вместо неподвижного плота был сооружен плавающий остров.

За шесть лет до начала нашей истории возникла в Америке компания под названием «Стандарт-Айленд компани лимитед» с капиталом в пятьсот миллионов долларов, разделенным на пятьсот акций, поставившая себе целью построить искусственный остров, где набобы Соединенных Штатов имели бы возможность пользоваться различными преимуществами, которых лишены все прочно прикованные к своему месту области земного шара. Акции были тотчас же раскуплены, так много нашлось в тогдашней Америке крупных состояний, основанных на эксплуатации железных дорог, на банковских операциях, добыче нефти или торговле солониной.

PAINTED BY

P. H. Smith

Сооружение этого острова заняло четыре года. Сейчас мы расскажем вкратце о его размерах, устройстве, о способах, которыми он приводится в движение и которые позволяют ему использовать прекраснейшую часть необъятной поверхности Тихого океана. Размеры мы дадим в километрах, а не в милях – в то время уже было преодолено необъяснимое отвлечение, которое десятичная система прежде внушала англосаксонской рутине.

Плавучие деревни существуют в Китае на реке Янцзы, в Бразилии – на Амазонке, в Европе – на Дунае. Но это простые недолговечные сооружения: несколько домиков, установленных на больших деревянных плотках. По прибытии в назначенное место плот разбирается, домики снимаются, и деревушка прекращает свое существование.

Совсем другое дело – остров, о котором идет речь: он должен был выйти в открытое море, должен был существовать столько времени, сколько могут существовать творения рук человеческих.

Впрочем, как знать, не станет ли земля в один прекрасный день слишком мала для своих обитателей, количество которых, согласно точным вычислениям Равенштейна, в 2072 году достигнет шести миллиардов? И не придется ли строить жилища на море, когда материки окажутся перенаселенными?..

Стандарт-Айленд – остров из стали, и сопротивление его корпуса рассчитано на то, чтобы выдержать огромную нагрузку. Он состоит из двухсот шестидесяти тысяч понтонов, каждый понтон высотой в шестнадцать метров семьдесят сантиметров и по десять метров в длину и ширину. Таким образом, горизонтальная поверхность каждого понтона представляет собой квадрат, сторона которого равна десяти, а площадь ста квадратным метрам. Все эти понтоны, накрепко соединенные друг с другом болтами, образуют площадь примерно в двадцать семь миллионов квадратных метров, или двадцать семь квадратных километров. При овальной форме острова, которую ему придали строители, он имеет семь километров в длину и пять в ширину, а окружность его равняется приблизительно восемнадцати километрам.

Подводная часть острова имеет тридцать футов, надводная – двадцать, другими словами – осадка Стандарта-Айленда равна десяти метрам при полной нагрузке. Из этого следует, что объем его – четыреста тридцать два миллиона кубических метров, а водоизмещение, то есть три пятых объема, – двести пятьдесят девять миллионов кубических метров.

Всю подводную часть корпуса покрыли особым составом, секрета которого доискивались уже издавна. Этот состав (его изобретатель стал миллиардером) не дает ракушкам облеплять поверхности, соприкасающиеся с морской водой.

Подводной части нового острова не угрожают ни дефор-

мации, ни разрывы – так крепко сшиты стальные листы, так прочно прилажены все болты и заклепки.

Для сооружения этого гигантского судна пришлось построить специальные верфи. Это и сделала «Стандарт-Айленд компани», приобретя предварительно бухту Магдалены и примыкающую к ней часть побережья на крайней оконечности длинного полуострова Старой Калифорнии, почти у пределов тропика Рака. В этой бухте и производились работы под руководством инженеров «Стандарт-Айленд компани» во главе со знаменитым Уильямом Терсеном, умершим через несколько месяцев после окончания постройки, подобно Брюннелю, умершему во время неудачного спуска на воду парохода «Грейт-Истерн». А разве этот Стандарт-Айленд, в сущности, не тот же «Грейт-Истерн», только значительно усовершенствованный и в несколько тысяч раз превосходящий его по своим размерам?

Понятно, тут не могло быть и речи о том, чтобы спускать целый остров на поверхность океана. Поэтому и пришлось строить его отдельными кусками, отдельными отсеками, так сказать прираставшими друг к другу на водах бухты Магдалены. Эта часть американского побережья сделалась местом стоянки плавучего острова, портом, в котором он находит убежище, когда требуются какие-либо исправления.

Поверхность острова, образованная двумястами семьюдесятью тысячами отсеков, была покрыта толстым слоем чернозема повсюду, кроме особенно прочно укрепленной цен-

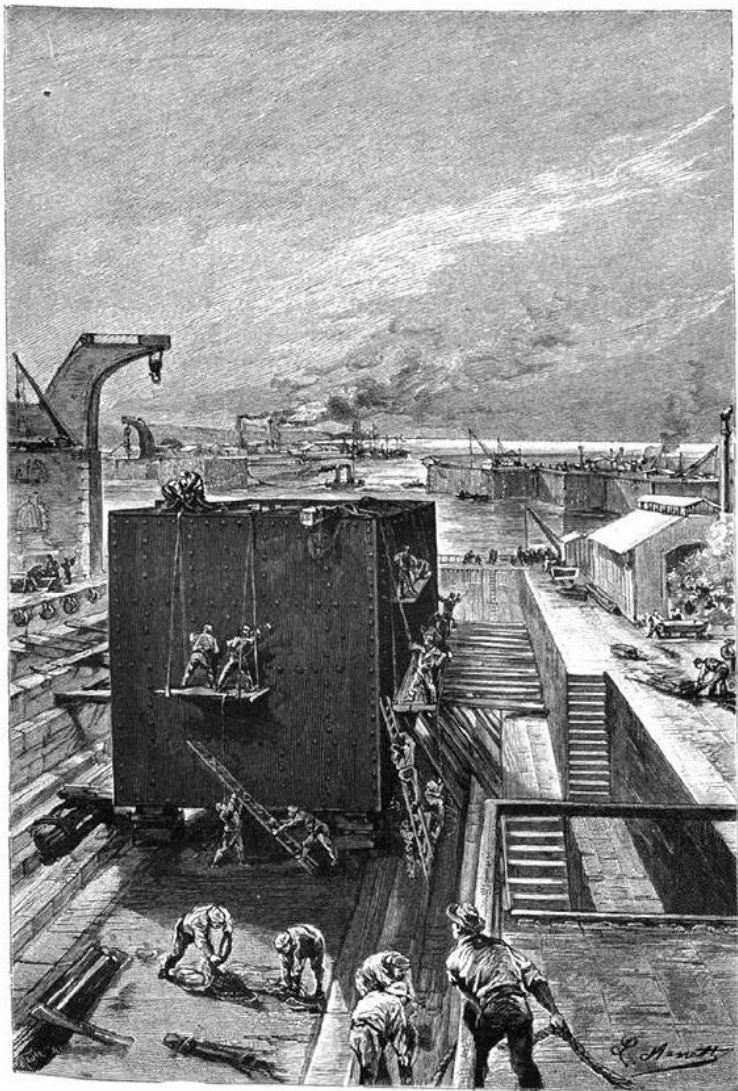
тральной части острова, предназначенной для самого города. Этой почвы вполне достаточно для ограниченного развития растительности – для газонов, клумб, кустарников, небольших рощ, лугов и огородов. Было бы непрактичным требовать, чтобы на этой искусственной почве произрастали хлебные злаки и мог пастись скот – его для мяса регулярно завозят на остров. Но зато было сделано все необходимое для того, чтобы снабжение молочными продуктами, птицей и яйцами не зависело от привоза извне.

Под насаждениями находится три четверти всей поверхности Стандарт-Айленда, то есть около двадцати одного квадратного километра: там зеленеют газоны, интенсивно обрабатываются поля, изобилующие овощами, возделываются сады, богатые фруктами, а искусственные луга служат пастбищем для нескольких стад. В земледелии здесь широко применяется электричество: под воздействием постоянных токов разнообразные овощи созревают необычайно быстро и достигают почти неправдоподобной величины – так, например, величина редиски доходит до сорока пяти сантиметров, а одна морковка весит три килограмма. Сады, огороды, фруктовые плантации могут поспорить с лучшими насаждениями Виргинии или Луизианы. Удивляться тут не приходится: на острове, справедливо названном «жемчужиной Тихого океана», перед расходами не останавливаются.

Его столица, Миллиард-Сити, занимает приблизительно пятую часть двадцати семи квадратных километров, то есть

около пяти квадратных километров, или пятьсот гектаров, и имеет в окружности девять километров. Те из наших читателей, которые сообразовали следовать за Себастьяном Цорном и его товарищами во время их экскурсии, уже достаточно хорошо знают город, чтобы не заблудиться. Впрочем, невозможно заблудиться в американских городах, когда они, к своему счастью или несчастью, построены на современный лад: к счастью – если иметь в виду простоту в планировке улиц, к несчастью – если вы ждете красоты и разнообразия, ибо этой стороной здесь целиком и полностью пренебрегают. Мы уже знаем, что Миллиард-Сити, имеющий форму овала, разделяется на две части центральной улицей – Первой авеню, длиной около трех километров. Обсерватории, возвышающейся на одном ее конце, на другом конце соответствует внушительное здание мэрии. Там сосредоточены все общественные и гражданские службы, управление водоснабжения, путей сообщения, планировки парков, управление городской полиции, таможни, рынков, похоронного дела, различных учебных заведений, культов и искусства.

Что же представляет собою население, проживающее внутри этой восемнадцатикилометровой окружности?

Для сооружения этого гигантского судна пришлось построить специальные верфи.

Говорят, на земле существует в настоящее время двенадцать городов (из них четыре находятся в Китае), насчитывающих более миллиона жителей. Ну а на плавучем острове живет всего около десяти тысяч человек, и все они уроженцы Соединенных Штатов. Основатели Стандарт-Айленда не желали, чтобы когда-либо могла возникнуть национальная рознь между его жителями, которые стремились обрести отдых и покой на этом современном по замыслу и выполнению судне. Достаточно, более чем достаточно и того, что они не принадлежат к одной религии. Было бы чрезвычайно трудно предоставить исключительное право селиться на этом острове одним только янки из Северных штатов, которые сейчас живут по левому борту судна, или же, наоборот, – одним лишь южанам – обитателям правого борта. Кроме того, от этого немало пострадали бы интересы Компании.

И вот, когда была закончена сборка металлической основы Стандарт-Айленда, подготовлена для застройки часть, отведенная под город, и приняты планы улиц и проспектов, приступили к возведению построек – великолепных дворцов и не столь роскошных особняков, помещений, предназначенных для розничной торговли, зданий общественного назначения, церквей и храмов. Здесь не было ничего похожего на чикагские двадцатисемизэтажные дома – «небоскребы».

Все здесь строилось из легких и в то же время прочных материалов. Для построек применялся преимущественно алюминий, нержавеющий металл, в семь раз более легкий, чем железо. Этот металл будущего, как назвал его Сент-Клер Девиль, отвечает всем потребностям прочного строительства. Он сочетается с искусственным камнем – цементными блоками, которые плотно примыкают друг к другу. Применяются также полые стеклянные кирпичи, которые выдувают, как бутылки, придавая им нужную форму, а затем скрепляют друг с другом тонким слоем известкового раствора. Из этих прозрачных кирпичей, если понадобится, можно выстроить идеальный стеклянный дом. Но охотнее всего здесь используют металлические каркасы, подобно тому как это теперь практикуется в судостроении. А что, в сущности, представляет собою Стандарт-Айленд, как не громадный корабль?

Все эти различные здания являются собственностью Компании. И те, кто в них обитает, – только жильцы, как бы они ни были богаты. Впрочем, Компания позаботилась о том, чтобы удовлетворить все требования в отношении всяческих удобств и комфорта, какие только могли бы предъявить баснословно богатые американцы, по сравнению с которыми европейские монархи и индийские набобы выглядят людьми среднего достатка. Ведь обитатели этой «жемчужины Тихого океана» владеют значительной долей мировых запасов золота, которые, по данным статистики, равны восемнадцати миллиардам, и запасов серебра, оцениваемых в два-

дцать миллиардов.

Действительно, в финансовом отношении дело с самого начала пошло превосходно. Дворцы и особняки были сданы в аренду за сказочные суммы. В отдельных случаях плата за наем помещения превышала несколько миллионов. И все же нашлись семьи, которые в состоянии были, не обременяя себя, ежегодно тратить на жилье подобные суммы. Это одно приносит Компании солидный доход. Нельзя не признать, что столица Стандарт-Айленда вполне оправдывает свое название.

Не говоря уж о самых богатых семьях, оказалось несколько сот таких, чья квартирная плата колебалась в пределах от ста до двухсот тысяч франков. Среди «прочего населения» имелись преподаватели, торговцы, служащие, прислуга, иностранцы, количество которых, однако, невелико, так как обосновываться в Миллиард-Сити и вообще на острове им не разрешалось. Адвокатов здесь было очень мало, вследствие чего судебные процессы происходили весьма редко; врачей еще меньше, благодаря чему смертность упала до смехотворной цифры. Впрочем, каждый житель острова прекрасно осведомлен о состоянии своего здоровья: мускульную силу он измеряет силомером, дыхание – спирометром, пульсацию сердца – сфигмометром, наконец, количество жизненной энергии организма – магнетометром. Кроме того, в городе нет ни баров, ни кафе, ни кабачков, ничего, что толкало бы на чрезмерное потребление алкоголя. Не бы-

ло еще никогда ни единого случая диспомании, или, говоря проще, чтобы нас поняли люди, незнакомые с греческим языком, — пьянства. Не забудем также, что городское управление снабжает обитателей электрической энергией, механической силой, отоплением, воздухом конденсированным, воздухом разреженным, воздухом охлажденным, водой по водопроводу, равно как и услугами пневматического телеграфа и телефона. Если на искусственном острове, методически уклоняющемся от воздействия дурного климата и защищенном от микробов, люди все же умирают, то потому только, что умирать как-никак и им приходится, но все-таки не раньше чем лет в сто, когда силы их организма подточит время.

Есть ли на острове солдаты? Есть! Отряд в пятьсот человек под командованием полковника Стьюарта, ибо надо иметь в виду, что не все районы Тихого океана безопасны. Осторожность требует, чтобы при приближении к некоторым группам островов принимались меры против возможного нападения со стороны разного рода пиратов. Неудивительно, что солдатам хорошо платят, что каждый рядовой здесь получает жалованье большее, чем командующий армией в старой Европе. Вербовка солдат, получающих квартиру, провиант и обмундирование за счет администрации, проходит всегда под контролем начальников, богатых, словно кресы. Им остается только выбирать из большого числа желающих записаться в ряды войска.

Есть ли на острове полиция? Да, есть несколько небольших отрядов, чего вполне достаточно для обеспечения безопасности в городе, не имеющем никаких оснований за нее тревожиться. Проживать на острове можно только с разрешения городского управления. Берега и днем и ночью охраняет бдительная таможенная стража. Пристать к острову можно только в портах. Как же злоумышленникам проникнуть на него? Ну а что, если преступником окажется кто-либо из жителей острова? Он будет сразу же схвачен, осужден и в качестве осужденного отправлен на запад или на восток и высажен в каком-нибудь закоулке Нового или Старого Света безо всякой надежды вернуться впоследствии на Стандарт-Айленд.

Мы говорим о портах. Разве их несколько? Их два, и они расположены на крайних точках узкой части овала, форму которого имеет плавучий остров. Один называется Штирборт-Харбор, другой – Бакборт-Харбор⁹. Ведь никак нельзя допускать перебоев в снабжении острова всем необходимым, и возможность таких перебоев исключается именно благодаря устройству этих двух портов на противоположных бе-

⁹ *Штирборт-Харбор* и *Бакборт-Харбор* – гавань правой стороны и гавань левой стороны. (В подлиннике Жюль Верн объединяет в одно составное слово французские морские термины *tribord* (правый борт судна) и *habord* (левый борт судна) с английским словом *harbour* (гавань). Соответственно этому в русском переводе сохранено английское слово «харбор», а французские слова заменены принятыми у нас равнозначными морскими терминами «штирборт» и «бакборт».)

регах острова. Если из-за непогоды нельзя пристать к одному из них, то открыт для кораблей другой, и таким образом они могут обслуживать остров при любом ветре. Через эти порты и производится снабжение острова различными товарами: нефтью, подвозимой на специальных судах, мукой и зерном, винами, пивом и прочими напитками, чаем, кофе, шоколадом, пряностями, консервами и т. д. Туда же доставляются быки, бараны, свиньи с лучших американских рынков; остров обеспечен свежим мясом, да и вообще на остров привозят все, чего только может пожелать самый избалованный чревоугодник. Ввозятся также ткани, белье, новинки последней моды – все, что может понадобиться самому изысканному денди, самой элегантной женщине. Все эти предметы продаются в магазинах Миллиард-Сити – по какой цене, сказать не решаемся, опасаясь вызвать в читателе недоверие.

Все же возникает вопрос: каким образом установили регулярное пароходное сообщение между американским побережьем и плавучим островом? Ведь по самой сути своей Стандарт-Айленд является чем-то подвижным – сегодня он тут, а завтра может оказаться в двадцати милях отсюда.

Ответ очень прост: Стандарт-Айленд вовсе не плывет куда глаза глядят. Его передвижение совершается по плану, установленному высшей администрацией, согласно заключениям метеорологов обсерватории. Это прогулка по маршруту (впрочем, в него могут вноситься некоторые изменения), проходящему по той части Тихого океана, где располо-

жены самые живописные архипелаги и где легче всего избежать смены холодных и жарких воздушных течений – частой причины легочных заболеваний. Это-то и позволило Калистусу Мэнбару на заданный ему вопрос о зиме ответить: «Ничего подобного мы не знаем!» Стандарт-Айленд плавает только между тридцать пятой параллелью к северу от экватора и тридцать пятой параллелью к югу от него. Пройти семьдесят градусов, то есть около тысячи четырехсот морских миль, – какие это открывает прекрасные возможности для плавания! Поэтому корабли всегда знают, где им искать «жемчужину Тихого океана» – ведь перемещение ее между различными группами пленительных островов, которые оазисами рассыпаны в безграничной пустыне океана, происходит по расписанию.

Да к тому же кораблям не приходится вслепую разыскивать точное местонахождение Стандарт-Айленда. Компания могла бы для информации пользоваться двадцатью пятью кабелями длиной в шестнадцать тысяч миль, принадлежащими Eastern Extension Australasia and China Co, но не хотела этого делать. Плавающий остров не желает ни от кого зависеть. Поэтому на поверхности моря разместили несколько сот буев, на которых закреплены концы электрических кабелей, связанных с бухтой Магдалены. Подплывают к такому бую, соединяют провод с аппаратами обсерватории, посылают телеграммы, и агенты, находящиеся в бухте, информированы о координатах Стандарт-Айленда. В результате снаб-

жение острова при помощи грузовых пароходов может совершаться с правильностью железнодорожного расписания.

Остается выяснить еще один важный вопрос.

Откуда же берется пресная вода для удовлетворения многообразных потребностей населения? Ее получают путем дистилляции на двух специальных заводах по соседству с портом. По трубам доставляется она к жилым помещениям, по трубам проходит под зеленым покровом полей. Ее используют и для домашних нужд, и для дорожного хозяйства, она изливается благодатным дождем на поля и лужайки, которые теперь уже не зависят от прихоти неба. И эта вода не только пресная, она дистиллированная, она гигиеничнее воды в самых чистых родниках Старого и Нового Света: ведь каждая капля величиной с булавочную головку может содержать до пятнадцати миллионов бактерий.

Остается рассказать, при каких условиях совершается передвижение этого замечательного судна. Большая скорость для него не является необходимой, ведь в течение шести месяцев оно не должно покидать областей, ограниченных тропиками и сто тридцатым – сто восьмидесятым меридианами. От пятнадцати до двадцати миль в сутки – большего не требуется. Правда, такой скорости легко добиться простым буксированием. Для этого нужно было бы изготовить особый канат из индийской конопли, очень прочный и в то же время легкий, который не погружался бы в глубину моря и не цеплялся бы за неровности дна. Канат накручивался бы на

цилиндры с паровым двигателем, и Стандарт-Айленд можно было бы буксировать таким образом вперед и назад, подобно баржам, которые поднимаются вверх и спускаются вниз по течению некоторых рек Старого и Нового Света. Но такой канат должен был бы иметь огромную толщину, соответственно массе плавучего острова, и часто испытывал бы всевозможные повреждения. Тем самым остров был бы «посажен на цепь», и ему пришлось бы всегда следовать по одной и той же неизменной трассе, быть на привязи, а с потерей свободы передвижения свободные американцы ни за что бы не примирились.

К счастью, электротехника достигла таких успехов, что к электричеству, этой душе вселенной, стало возможным предъявлять любые требования. Оно стало двигательной силой искусственного острова. Двух электростанций достаточно для того, чтобы приводить в действие огромные динамо-машины, производящие электрическую энергию постоянного тока с умеренным напряжением в две тысячи вольт. Эти динамо-машины заставляют работать мощную систему винтов, расположенных вблизи обоих портов. Каждая электростанция развивает энергию в пять миллионов лошадиных сил благодаря наличию сотен котлов, подогреваемых нефтяными брикетами, менее громоздкими и дающими меньше отходов, чем уголь, и в то же время – более высокую температуру. Этими станциями с помощью многочисленного персонала механиков и кочегаров управляют два главных инжене-

ра, Уотсон и Сомуа. Высший контроль осуществляет коммодор Этель Симкоо. Из своего кабинета в обсерватории коммодор поддерживает телефонную связь со станциями, из которых одна расположена у порта левой стороны, а другая — у порта правой. От коммодора исходят указания насчет движения в том или ином направлении согласно установленному маршруту. И он же в ночь с 25-го на 26-е распорядился, чтобы Стандарт-Айленд, который до начала своего ежегодного плавания стоял у калифорнийского побережья, вышел в открытое море.

Те из наших читателей, которые пожелают мысленно отправиться в это путешествие по Тихому океану, будут свидетелями различных перипетий его и, может статься, не пожалеют об этом.

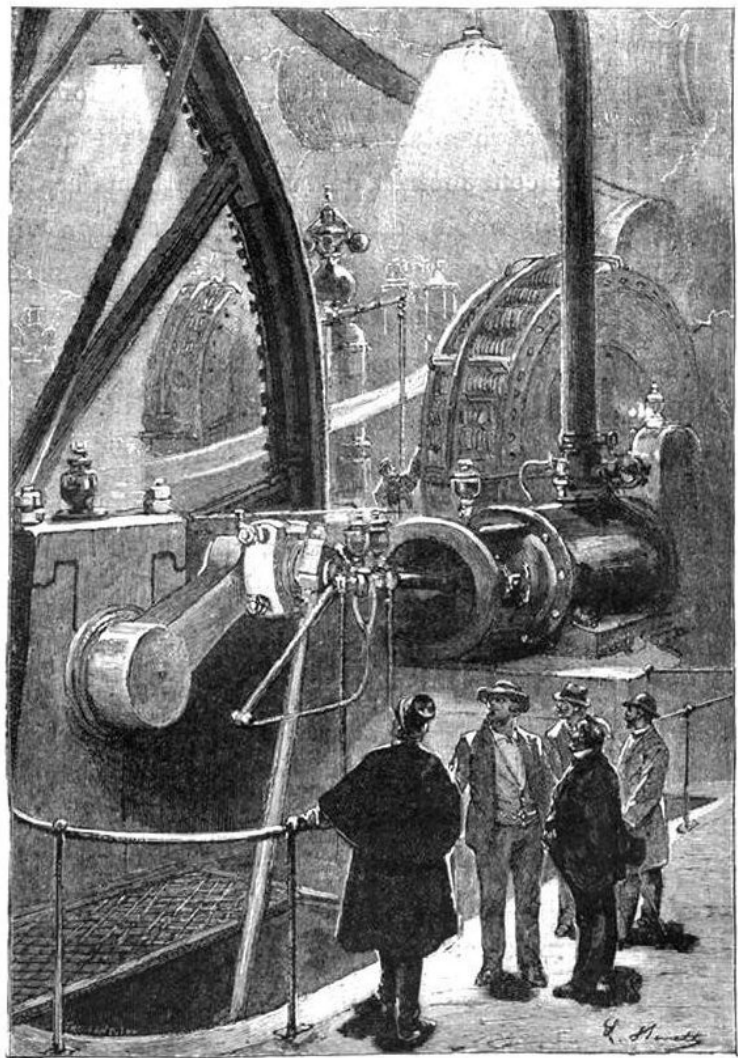
Скажем теперь, что наибольшая скорость плавучего острова, когда машины его развивают всю свою энергию в десять миллионов лошадиных сил, достигает восьми узлов. Самые мощные валы, вздымаемые ветром, не оказывают на него никакого действия. Благодаря своим размерам он не испытывает ни малейшей качки; морской болезни на нем опасаться не приходится. Лишь в первые дни путешествия «на борту» острова ощущаешь легкую дрожь, которая передается его подпочвенной части от вращения винтов. Шестидесяти метровые волнорезы на обеих оконечностях острова легко разрезают воду, и он безо всяких толчков совершает свой путь по широкому морскому простору.

Само собой разумеется, что электрическая энергия, вырабатываемая станциями, является не только силой, приводящей в движение остров, но получает и другое применение. Она дает освещение равнине, парку, городу. Она служит источником того мощного света, который сквозь стекла маяков целыми снопами устремляется в открытое море и предупреждает издали о появлении плавучего острова, устраняя тем самым всякую возможность столкновений. Она источник тока, используемого телеграфными, телефотными, телеавтографными и телефонными установками, источник тока для жилых домов и торговых кварталов. Наконец, это она питает искусственные луны силою в пять тысяч свечей, которые в состоянии осветить площадь в пятьсот квадратных метров.

В настоящее время это необычайное судно совершает свой второй рейс по Тихому океану. С месяц назад оно покинуло бухту Магдалены и направилось к тридцать пятой параллели, чтобы возобновить свое плавание на широте Сандвичевых островов. Оно находилось неподалеку от побережья Нижней Калифорнии, когда Калистус Мэнбар, узнавший по телефону, что Концертный квартет выехал из Сан-Франциско в Сан-Диего, предложил заручиться сотрудничеством этих выдающихся артистов. Известно, как он с ними поступил, как доставил их на плавучий остров, который находился тогда в нескольких кабельтовых от берега, и как благодаря его коварной проделке меломаны Миллиард-Сити по-

лучили возможность наслаждаться камерной музыкой.

Таково это девятое чудо, этот шедевр человеческого гения, достойный двадцатого столетия. На нем гостят сейчас две скрипки, альт и виолончель. Плавающий остров уносит их в западные области Тихого океана.

Динамо-машины заставляют работать мощную систему винтов.

*Высший контроль осуществляет коммодор Этель Сим-
коо.*

Глава шестая

Приглашенные... насильно

Хотя, может быть, Себастьян Цорн, Фрасколен, Ивернес и Пэншина – люди, привыкшие ничему не удивляться, все же им трудно было не поддаться вполне законному приступу ярости и искушению схватить Калистуса Мэнбара за горло. Считать с уверенностью, что у тебя под ногами твердая почва Северной Америки, и вдруг очутиться в открытом море! Полагать, что находишься в каких-нибудь двадцати милях от Сан-Диего, где ожидают твоего завтрашнего концерта, и неожиданно узнать, что удаляешься от него на плавучем острове! По правде сказать, такой приступ ярости был бы вполне извинителен.

Американец, к счастью, уклонился от первого громового удара. Воспользовавшись изумлением, вернее даже ошеломлением, членов квартета, он улизнул с площадки башни и, спустившись в лифте, оказался вне пределов досягаемости для четырех разъяренных парижан.

– Какой мерзавец! – кричит виолончель.

– Какая скотина! – вторит ему альт.

– Ну, ну... ведь благодаря ему мы насмотрелись всяких

чудес... – кротко замечает первая скрипка.

– Так что ж, ты его оправдываешь? – возражает вторая.

– Ничуть, – заявляет Пэншина, – и, если есть на этом острове правосудие, мы добьемся, чтобы обманщик-янки получил по заслугам!

– И, если здесь есть палач, – рычит Себастьян Цорн, – мы добьемся, чтобы его повесили!

Однако, чтобы добиться всего этого, необходимо прежде всего снова оказаться среди обитателей Миллиард-Сити, ибо полиция не действует в воздухе, на высоте ста пятидесяти футов. И это будет сделано в несколько мгновений, если только удастся спуститься. Но кабина лифта обратно не поднялась, ничего похожего на лестницу не видно. Таким образом, квартет, находящийся на вершине башни, отрезан от всего мира.

После первых бурных излияний досады и гнева Себастьян Цорн, Пэншина, Фрасколен, предоставив Ивернесу восхищаться окружающим, поутихли и успокоились. Над ними развевается полотнище флага. Себастьян Цорн испытывает бешеное желание перерезать веревку и спустить его, как спускают флаг корабля, сдающегося неприятелю. Но лучше не навлекать на себя лишних неприятностей, и товарищи удерживают виолончелиста, когда в его руке появляется хорошо отточенный охотничий нож.

– Не будем давать повода для каких-либо обвинений против нас, – говорит благоразумный Фрасколен.

– Так что ж... ты доволен положением, в котором мы сейчас находимся?.. – спрашивает Пэншина.

– Нет... но усложнять его незачем.

– А багаж-то едет себе в Сан-Диего!.. – произносит «Его высочество», всплеснув руками.

– А завтрашний концерт!.. – восклицает Себастьян Цорн.

– Дадим его по телефону, – отвечает первая скрипка. Но эта шутка менее всего может успокоить кипящего негодованием виолончелиста.

Напомним, что обсерватория занимает середину обширного сквера, к которому примыкает Первая авеню. На противоположном конце этой главной трехкилометровой магистрали, разделяющей Миллиард-Сити пополам, виднеется величественное здание, увенчанное легкой и изящной башней. Артисты высказывают предположение, что там находится управление острова и муниципалитет, если, разумеется, в Миллиард-Сити имеется мэр с каким-нибудь штатом. Они не ошиблись. Как раз в эту минуту куранты на башне начинают свой веселый перезвон, и вместе с замирающими вздохами легкого ветерка до обсерватории доносятся звуки музыки.

– Послушай-ка!.. Это в ре мажор, – говорит Ивернес.

– И на две четверти, – говорит Пэншина.

Куранты отбивают пять часов.

– А обедать? – восклицает Себастьян Цорн. – А спать?..
Неужто по вине этого негодяя Мэнбара нам придется прове-

сти ночь в ста пятидесяти футах от земли?

Есть все основания опасаться этого, если лифт не даст пленникам возможности выбраться на свободу.

Действительно, сумерки в низких широтах очень короткие, и сияющее дневное светило склоняется к горизонту со скоростью падающего снаряда. Взгляды, которые члены квартета бросают в безграничную даль, охватывают только совершенно пустынное море, без единого паруса, без самого легкого дымка. По загородным полям движутся электрические поезда, направляющиеся к периферии острова или обслуживающие оба порта. В этот час парк еще полон оживления. С высоты башни он кажется огромной корзиной цветов, где красуются азалии, клематис, жасмин, глицинии, страстоцветы, бегонии, сальвии, гиацинты, далии, камелии, розы всевозможных сортов. Масса гуляющих – солидные мужчины, молодые люди – не те изнеженные хлыщи, которые позорят своим обликом улицы больших европейских городов, а крепко сложенные, сильные юноши. Женщины и девушки – большей частью в платьях соломенно-желтых оттенков, которые приятней всего в жарких краях. Иные ведут на привязи красивых левреток в шелковых попонках, обшитых золотой тесьмой. Вся эта богатая публика фланирует взад и вперед по дорожкам, посыпанным мелким песком и причудливо извивающимся среди газонов. Одни откинулись на подушки электрических экипажей, другие сидят на скамейках под деревьями и кустами. Далее какие-то молодые джентльмены

играют в теннис, в крокет, в гольф, в футбол, а также, сидя верхом на резвых пони, – в поло. На газонах резвятся кучки детей, шумных американских детей, у которых, особенно у девочек, так рано проявляется индивидуализм. На отлично содержащихся дорожках для верховой езды виднеется несколько всадников; другие, показывая свое искусство, устраивают увлекательные состязания.

Товарищи удерживают виолончелиста, когда в его руке появляется хорошо отточенный охотничий нож.

В торговых кварталах города сейчас еще много народа. Вдоль главных улиц катятся движущиеся тротуары с публикой. По скверу у подножия башни все время снуют прохожие, и четверо пленников, нисколько не стесняясь, стараются привлечь их внимание: Пэншина и Фрасколен несколько раз принимаются громко кричать. Ну конечно, их слышат – ведь на них указывают рукой, до их слуха даже доносятся слова! Но никто из прохожих не выражает ни малейшего удивления. По-видимому, появление на площадке башни этих славных гостей, которые почему-то так волнуются, никого не поражает. Что касается слов, то они состоят из всевозможных «гуд бай», «хау ду ю ду», приветствий и всяких формул любезности и вежливости. Можно подумать, что население Миллиард-Сити осведомлено о прибытии четырех парижан на остров, который с такой предусмотрительностью показывал им Калистус Мэнбар...

– Смотрите-ка... ведь они потешаются над нами! – говорит Пэншина.

– Да, да, похоже на то, – отвечает Ивернес.

Проходит час, но все призывы остаются тщетными. Настойчивые просьбы Фрасколена возымели не больше успеха, чем многократные проклятия Себастьяна Цорна. Наступает обеденный час, гуляющие понемногу исчезают из пар-

ка, улицы очищаются от заполнявшей их праздной публики. В конце концов, можно прийти в бешенство!

– Да, – говорит Ивернес, вызывая в памяти романтические образы, – мы похожи на тех недостойных, которых злой дух увлек в священное место, и теперь осуждены на гибель за лицемерие того, на что не должны были смотреть...

– Вот нас и подвергают мукам голодной смерти! – подхватывает Пэншина.

– Во всяком случае, мы погибнем не раньше, чем исчерпаем все средства для продления нашего существования! – восклицает Себастьян Цорн.

– А если нам придется в конце концов пожрать друг друга, первым номером пойдет Ивернес! – говорит Пэншина.

– Когда пожелаете! – покорно вздыхает первая скрипка, склоняя голову, чтобы принять смертельный удар.

В этот момент в глубине башни раздается какой-то звук. Кабина лифта поднимается и останавливается на уровне площадки. Предполагая, что сейчас появится Калистус Мэнбар, пленники готовятся устроить ему достойный прием...

Но кабина пуста.

Ладно! Подождем. Обманутые сумеют разыскать обманщика. Сейчас важнее всего спуститься вниз, а самое верное средство для этого – занять место в лифте.

Сказано – сделано. Едва только виолончелист и его товарищи очутились в кабине, она стала опускаться и через несколько секунд доставила их в первый этаж башни.

– Подумать только! – восклицает Пэншина, топнув ногой.
– Как естественно мы шагаем по искусственной почве!

Минута для шуток выбрана неудачно. Никто не отвечает весельчаку.

Дверь на улицу открыта. Все четверо выходят. Внутренний двор пуст. Они пересекают его и идут по дорожке сквера.

Навстречу им попадает несколько прохожих, но они не обращают на иностранцев никакого внимания. Фрасколен опять вызывает к благоразумию, и Себастьян Цорн вынужден отказаться от несвоевременных выражений гнева и возмущения. Требовать правосудия надо от властей. Торопиться, однако, незачем. Надо вернуться в «Эксельсиор-отель» и завтра же предъявить свои права свободных людей – таково решение, принятое членами квартета.

Они направляются вдоль Первой авеню. Привлекают ли эти парижане по крайней мере внимание публики? И да и нет. На них смотрят, но без особой назойливости, так, как если бы они были из числа туристов, которые изредка посещают Миллиард-Сити. Артисты же в столь необычных обстоятельствах чувствуют себя не очень ловко – им кажется, что их разглядывают пристальней, чем это имеет место на самом деле... С другой стороны, нет ничего удивительного, если им самим кажутся странными эти плавающие островитяне, люди, добровольно расставшиеся с себе подобными, чтобы скитаться по волнам самого большого океана на земном шаре. Дайте волю воображению, и вам покажется, что это

обитатели какой-то далекой планеты. И вот пылкая фантазия Ивернеса уже увлекает его в какие-то воображаемые миры. Что касается Пэншина, то он довольствуется следующим замечанием:

– Черт побери, у всех этих прохожих очень миллионерский вид, и похоже на то, что пониже спины у них имеется маленький гребной винт, как у их острова.

Между тем голод мучит наших путников все сильнее. Завтракали они давно, и желудок предъявляет свои обычные требования. Надо как можно скорее добраться до «Эксцельсиор-Отеля». Завтра они предпримут все необходимые шаги для того, чтобы возвратиться в Сан-Диего на одном из пароходов Компании, и притом им возместят убытки по всей справедливости – за счет Калистуса Мэнбара.

Но вот, продолжая путь вдоль Первой авеню, Фрасколен останавливается перед роскошным зданием, на фронтоне которого выделяется золотыми буквами надпись «Казино». Направо от великолепной арки, возвышающейся над главным входом, сквозь зеркальные, разрисованные арабесками окна ресторана виднеются многочисленные столики, занятые обедающими, вокруг которых суетятся официанты.

– Здесь едят! – говорит вторая скрипка и окидывает вопросительным взглядом своих проголодавшихся товарищей.

На что следует лаконический ответ Пэншина:

– Войдем.

Гуськом входят они в ресторан. Их появление не привле-

кает к себе особого внимания – ресторан часто посещается иностранцами. Через пять минут четверо проголодавшихся друзей с увлечением набрасываются на первые блюда отличного обеда, меню которого выработал Пэншина, а он-то в гастрономии знает толк. К счастью, кошелек квартета основательно набит деньгами, а если даже музыканты опустошат его здесь, то сборы с концертов в Сан-Диего снова его наполнят.

Кухня превосходная, куда лучше, чем в отелях Нью-Йорка и Сан-Франциско: блюда приготовлены на электрических плитах – электричество с одинаковым удобством применяется и для слабого и для сильного огня. После супа из консервированных устриц, фрикасе из маисовых зерен, свежего сельдерея, традиционных пирожков с ревенем следуют необычайной свежести рыба, исключительной нежности ромштекс, дичь – вероятно, из лесов и степей Калифорнии – и овощи, выращенные на острове методами интенсивной культивации. Для питья поданы не вода со льдом, по американскому обычаю, а различные сорта пива и вин, которые попали в погреба Миллиард-Сити из виноделен Бургундии, Бордо и Рейна, и уж наверное – за хорошую цену.

Обед подбодрил наших парижан, и это отражается на их настроении. Пожалуй, они склонны теперь не так мрачно смотреть на приключение, выпавшее им на долю. Всем известно, что музыканты умеют пить. То, что вполне естественно для тех оркестрантов, кто, напрягая дыхание, из-

влекает волны звуков из духовых инструментов, менее извинительно для играющих на струнных. Но это не важно! Ивернес, Пэншина, даже Фрасколен, находясь здесь, в городе миллиардеров, начинают видеть жизнь в розовом и даже в золотом свете. Один лишь Себастьен Цорн, поспевая за товарищами, все же не может угасить свой гнев виноградными соками Франции.

Короче говоря, квартет уже достаточно навеселе, когда наступает время потребовать счет. Метрдотель в черном фраке передает его казначею Фрасколену.

Вторая скрипка бросает взгляд на итоговую сумму, встает, снова садится, опять приподнимается, протирает глаза, глядит в потолок.

– Да что это тебя так пробрало?.. – спрашивает Ивернес.

– Дрожь меня пробирает с головы до пяток! – отвечает Фрасколен.

– Дорого?..

– Больше, чем дорого... Двести франков...

– Со всех четырех?

– Нет... с каждого.

Да, да, это так – сто шестьдесят долларов, ни больше ни меньше, причем рыба стоит двадцать долларов, ромштексы – двадцать пять, медок и бургонское – по тридцать долларов за бутылку, и соответственно – все прочее.

– Тьфу ты черт!.. – восклицает «Его высочество».

– Грабители!.. – вторит ему Себастьен Цорн.

Этих замечаний, которыми они обмениваются по-французски, великолепный метрдотель не понимает. Однако он все же догадывается, что происходит. Но, хотя на губах его показывается легкая улыбка, усмехается он не презрительно, а удивленно. Ему представляется вполне естественным, что обед на четырех человек стоит сто шестьдесят долларов. Таковы здешние цены.

– Не скандальте! – говорит Пэншина. – На нас смотрит Франция! Надо платить...

– И любым способом – в путь на Сан-Диего, – отвечает Фрасколен. – Послезавтра у нас не останется денег и на один сандвич.

С этими словами он достает бумажник, вынимает из него порядочное количество бумажных долларов, которые, к счастью, имеют хождение в Миллиард-Сити, и уже собирается передать их метрдотелю, как вдруг раздается голос:

– С этих господ ничего не причитается!

Это голос Калистуса Мэнбара.

Янки только что вошел в зал ресторана, сияя улыбкой и словно изливая на все окружающее свое обычное чудесное настроение.

– Он! – восклицает Себастьян Цорн, едва сдерживая желание схватить Калистуса Мэнбара за горло и сжать так крепко, как он сжимает гриф своей виолончели, играя forte.

– Успокойтесь, дорогой Цорн, – говорит американец. – Соболаговолите пройти вместе со своими товарищами в го-

стиную, где нам приготовили кофе. Там мы можем спокойно поговорить, а после нашего разговора...

– Я вас задушу! – перебивает его Себастьян Цорн.

– Нет... вы мне будете руки целовать...

– Только этого не хватало! – восклицает виолончелист, от ярости меняясь в лице.

Мгновение спустя гости Калистуса Мэнбара уже сидят, раскинувшись на мягких диванах, а сам янки располагается в кресле-качалке.

И вот в каких выражениях он представляет гостям свою особу:

– Калистус Мэнбар, из Нью-Йорка, пятидесяти лет, правнучатый племянник знаменитого Барнума, в настоящий момент – директор управления по делам искусств на Стандарт-Айленде, в чьем ведении находится живопись, скульптура, музыка и все вообще развлечения в Миллиард-Сити. А теперь, когда вы знаете меня...

– А может быть, вы, кроме того, – спрашивает Себастьян Цорн, – еще и полицейский агент, которому поручается заманивать людей в ловушки и задерживать их против воли?..

– Не торопитесь судить меня, гневная виолончель, – отвечает директор, – дайте договорить.

– Хорошо, – серьезно отвечает ему Фрасколен, – мы вас слушаем.

– Господа, – продолжает Калистус Мэнбар с самым любезным видом, – в нашем сегодняшнем разговоре я предпочел

бы коснуться только вопроса о музыке, о том, как в настоящее время обстоит с нею дело на нашем плавучем острове. Миллиард-Сити пока еще не имеет театров, но пожелаем мы только, и они возникнут, как по мановению волшебной палочки. До последнего времени наши сограждане удовлетворяли свои музыкальные вкусы, обращаясь ко всевозможным усовершенствованным аппаратам, благодаря которым они знакомились с любимыми шедеврами музыкального и драматического искусства. Произведения старинных и современных композиторов, выступления виднейших оперных и драматических артистов – все это мы имеем возможность слушать, когда нам вздумается, пользуясь фонографом.

– Шарманка этот ваш фонограф! – презрительно восклицает Ивернес.

– Не такая уж шарманка, как вы думаете, господин солист, – отвечает директор. – У нас имеются аппараты, которые много раз нескромно подслушивали вас, когда вы выступали в Бостоне или в Филадельфии. И если вы пожелаете, то сможете сами себе аплодировать... В те времена изобретение знаменитого Эдиссона достигло высокой степени совершенства. Фонограф теперь уже вовсе не та музыкальная шкапулка, на которую он был так похож вначале. Благодаря изумительному изобретателю эфемерное дарование драматических артистов, музыкантов-исполнителей или певцов может сохраняться для грядущих поколений так же верно, как произведения скульпторов и живописцев. И все-таки фонограф

– всего лишь эхо, хотя бы и точное, своего рода фотокопия, воспроизводящая все оттенки, все изысканные переливы пения или игры во всей их незапятнанной чистоте.

Калистус Мэнбар говорит с таким жаром, что на его собеседников все это производит определенное впечатление. Он говорит о Сен-Сансе, Рейере, Амбруазе Тома', Гуно, Массне, Верди, о неувядающих шедеврах Берлиоза, Мейербера, Галевы, Россини, Бетховена, Гайдна, Моцарта, как человек, который знает их досконально, который их любит и посвятил их распространению среди публики всю свою уже довольно долгую жизнь импресарию; слушать его интересно. Кстати сказать, он, по-видимому, не затронут вагнеровской эпидемией, к тому времени, впрочем, уже ослабевшей.

Когда он останавливается, чтобы передохнуть, Пэншина, воспользовавшись минутой молчания, говорит:

– Все это очень хорошо, но ваш Миллиард-Сити, как я вижу, потребляет музыку только в коробках – этикие музыкальные консервы, которые засылаются сюда, как коробки с сардинками или с паштетами.

– Простите, господин альт...

– Охотно прощаю вас, но все же продолжаю настаивать на том, что ваши фонографы несут в себе только прошлое и никогда ни одного артиста не услышать гражданам Миллиард-Сити в тот момент, когда он исполняет свой номер.

С этих господ ничего не причитается!

– Еще раз простите меня...

– Наш друг Пэншина, – вмешался Фрасколен, – простит вас, мистер Мэнбар, столько раз, сколько вы пожелаете, – у него карман набит прощениями. Но замечание его справедливо. Если бы еще вы имели возможность устанавливать какую-то связь с театрами Америки или Европы...

– А вы думаете, что это невозможно, дорогой мой Фрасколен? – восклицает директор, останавливая свою качалку.

– То есть как?

– Ведь это только вопрос денег, а наш город достаточно богат, чтобы удовлетворять все свои фантазии, все свои прихоти в области музыкального искусства! И он этого добился...

– Каким же образом?

– При помощи театрофонов, которые устанавливаются в концертном зале здешнего казино. Разве Компания не располагает значительным количеством подводных кабелей, проложенных под поверхностью Тихого океана, один конец которых закреплен в бухте Магдалены, а другой плавает в океане, поддерживаемый мощным буюм? Ну так вот, когда наши сограждане хотят послушать кого-либо из певцов Нового или Старого Света, нашим агентам в бухте Магдалены дают об этом знать по телефону, и они устанавливают связь либо с Америкой, либо с Европой. Провода или кабели со-

единяются с тем или иным театром, с тем или иным концертным залом, и наши меломаны, сидя в зале казино, реально присутствуют при выступлениях, происходящих так далеко от них, и аплодируют...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.